

Мария Фомальгаут
*Нежизнь и несмерть Октахора
Симплекса*

Мария Владимировна Фомальгаут

Нежизнь и несмерть

Октахора Симплекса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22035494

ISBN 9785448335334

Аннотация

Жизнь Октахора Симплекса нельзя было назвать счастливой. В детстве даже не было пары деревянных ботинок, если он родился в веке, скажем, шестнадцатом, или не было телефона, если он родился в двадцать первом веке, или ему не всегда удавалось найти себе горстку кореньев, если он родился где-нибудь в глубокой древности, когда люди плели соломенные хижины и охотились на мамонтов. Или у него не было... а вот чего у него не было, если он родился в двадцать третьем или тридцать втором веке, мы не знаем.

Содержание

Дубхе	5
Будете дружить	6
Кем вы были в прошлой жизни	16
Взрослая жизнь	37
Собиратель летучих мышей	41
Глава какая-то там	65
Новая глава	74
Глава очередная	81
Глава очередная, какая-то там...	93
Глава следующая	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Нежизнь и несмерть Октахора Симплекса Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2016

ISBN 978-5-4483-3533-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дубхе

Идет большая медведица. Идет, переваливается, перебирает массивными лапами. Идет не по земле – по небу, наступают на облака, вспугивают редкие звезды.

Некуда спешить медведице.

Нет-нет да и выловит в небесной проруби рыбешку, еще посмотрит, что за рыбешка, то ли Южная рыба, то ли две рыбы, то ли вообще рак, а ничего, на безрыбье и рак – рыба.

Идет по небу медведица, принохивается, не затаился ли где в зарослях стрелец. А то и подобьет ненароком, выпустит меткую стрелу.

А звезды разбегаются. Все, сколько есть на медведице – в разные стороны. Алиот, Мицар, Алькор – и иже с ними. Медленно-медленно, и не сразу увидишь, как бегут в разные стороны.

А бегут.

А быстрее всех Дубхе, вот уже и ковш медведицы изогнулся, востроносый стал.

И каждый раз, просыпаясь к вечеру, медведица проверяет, есть она еще, медведица – или её уже нет.

Будете дружить

– Нравится? – тетя Венера показывает на кукольный домик, совсем как настоящий, только маленький-маленький, – нравится?

Ника отрицательно качает головой, по лицу слезы. Нет, домик ей, конечно, нравится, еще как нравится. Сама долго ходила вокруг да около домика, вокруг да около магазина, как тетя Венера пойдет за покупками, так и Ника с ней, и все смотрит на домик, и поговаривает, вон какой, как настоящий, а у меня три куклы, а домика у них нету... И тетя Венера крыльями хлопает, ну Никуш, ну пойдем, поздно уже, сейчас мультики будем смотреть... На что Нике эти мультики, они же не настоящие, а домик вот он, его руками потрогать можно.

А теперь... домик вот он, конечно, и руками его потрогать можно, только на что он Нике теперь...

А тетя Венера уже с другими тетями хлопочет, чтобы домик упаковали, а где ценник от него, а ценника нету, сейчас, сейчас, будет, Лина, ты товар выставяла, я тебе сейчас ноги по-вырываю, в уши вставляю...

А у Ники слезы по лицу градом.

– Ну пошли, Никуш, поздно уже, – говорит тетя Венера, – мороженого хочешь?

Это тетя Венера говорит, когда мимо киоска с мороженым

прошли, когда проходят, Ника всегда тетю Венеру за рукав дергает, хочу-хочу-хочу, а тетя Венера только руками разводит, горлышко заболит, что я папе скажу...

– ...мороженого хочешь?

– Не-а.

Вот так говорит Ника. И слезы градом.

В таксюшку сели, поехали, водила одной рукой баранку крутит, второй сдачу считает, третьей курит, четвертой по телефону говорит.

– Ну, присаживайся, присаживайся, сейчас поедем, улетишь, – говорит тетя Венера, – ну-ка, хватит сырость разводить! Ты чего, а? ты чего?

Ника говорит, слова Нику не слушаются, путаются, спотыкаются одно за другое.

– А... ма-ма... сов-сем... уш-ла?

Тетя Венера кивает.

– Совсем, Никуш. Совсем.

Лучше бы не говорила. Снова слезы текут. Ника их назад загоняет, они градом льются.

– О-на ме-ня не... лю-бит...

– Ну что ты, Никуш, такое говоришь, любит тебя мама, еще как любит.

– Уш-ла... зна-чит я... пло-ха-я...

Это так мама говорила, когда Ника напортачит что-нибудь, ну там стекло раскокает или обои разрисует, вот мама и говорит, ох, Ника, плохая ты, вот уйду я от тебя...

Мама говорит...

Говорила...

– Что ты, Никушенька, говоришь, ты у нас самая-самая лучшая.

– А... ма-ма тог-да... по-че-му... уш... ла?

– Ну... как тебе объяснить, Никуша... Ну давай попробую тебе объяснить, только ты не плачь, ладно?

– А-га...

Ника слезы обратно загоняет, тпру, стоять, кто вас пустил...

– Ну вот видишь... мама с папой решили, что они больше вместе не живут.

– Почему-у?

– Ну... ну они так решили, понимаешь? Ну... ну потому, что они так решили. И мама ушла...

Снова слезы.

– Она тебя любит, ну очень-очень любит. Она тебя даже с собой взять хотела. Очень хотела. А папа не пустил.

– А по-че...

– Ну, Никуш, у тебя тут школа, у тебя тут секции, а школу надо кончить, куда без этого...

Ника хочет сказать, что не надо ей никакой школы, и секций никаких не надо, только слова ее не слушаются, и слезы не слушаются, градом текут.

– Ну как без школы, Никуш, нельзя без школы, – говорит тетя Венера.

– По-че-му... нельзя?

– Ну... вырастешь, поймешь. Трудно тебе объяснить. Потом поймешь. И почему папа с мамой расстались, и почему школу надо кончить...

Слезы градом. Тетя Венера обнимает Нику, вытирает Нику платочком, приговаривает, ну не плачь, не плачь...

И не хочется плакать. А плачется.

– Ты когда вырастешь, вы с мамой обязательно будете дружить, – говорит тетя Венера, – правда?

– Правда...

– Ну все, все, успокойся... пойдём, нам выходить... тортик купим, чай с тортиком пить будем...

Ника кивает. Через силу. Не хочет Ника чай с тортиком. Ничего не хочет. И почему так бывает, по жизни просишь, просишь что-нибудь, а тебе не дают, а дадут только когда беда какая случится, ну там ногу сломаешь или вот как сейчас... мама ушла. А теперь на что тебе все это, были мечты, рассеялись как дым...

Ника выходит из таксюшки, смотрит в серое небо, затянутое тучами. Папа говорил, что мама там, там...

Ника выходит на балкон высотки, перебирается через перила.

Прыгает.

Вся жизнь проносится перед глазами.

Вот, например. Не далее, как вчера. Ника стоит на крыше сарая, прыгает, отчаянно машет руками.

Учится летать.

Беспомощно взмахивает, раз, другой, третий, падает вниз, в траву.

Не получилось.

Пробует еще раз, забирается на гараж, машет руками, порх-порх-порх – взлетает, держится в воздухе.

Еще в детстве пробовала, пока никто не видит, махала руками, прыгала, с кровати, со стола, со шкафа, или на улице бежит-бежит, подпрыгнет, полетит.

Папа сердился, когда Ника так делала, хмурился, гляди, улетишь, не воротишься. А маме нравилось.

А вот сейчас, получится или нет...

Ветер свистит в ушах.

Город несется навстречу.

Ника кричит, зовет маму, будто мама ее услышит, ах да, не услышит, она же ушла...

И у самой-самой земли Ника взмывает в небо. Держится на весу, машет руками. Летит.

Получилось.

Так Ника когда-нибудь и к маме полетит, чего там ждать, пока Ника вырастет, Ника сейчас с мамой дружить хочет.

Случайный прохожий смотрит в упор на Нику, делает вид, что ничего не видит. Люди, они всегда такие, если видят что-то, чего быть не может, делают вид, что ничего не происходит. Поднимает воротник, идет дальше.

И Ника летит дальше. Назад, на балкон. Не забыть бы еще,

с какого балкона сиганула.

– Мама! Мама!

Ника видит маму, мама не видит Нику. Или делает вид, что не видит. Взгляд у нее, как у того прохожего на улице, который летящую Нику увидел. Смотрит, как будто Ники здесь нет.

Ника бежит к маме, вот она, мама, за невысокой оградой, за красными флажками, там еще палки какие-то понатыканы, ну да какая разница. Ника к маме бежит.

И дядьки за Никой бегут. Большие дядьки, незнакомые, в форме, как это у них форма называется, цветохаке, или как там. Это они бегут, чтобы Нику к маме не пустить. Злые дядьки. Нехорошие. Это их папа, наверное, подговорил, чтобы к маме не пустили, папа тоже нехороший, не хочет, чтобы Ника с мамой виделась.

– Мама!

Мама видит Нику. Уже не может делать вид, что не видит, когда подбегает Ника к самой ограде, за которой всякие палки понатыканы и светятся. Делает Нике знак, назад, назад!

Да как назад, если Ника вперед хочет...

Дядьки бегут к Нике, врете, не догоните, зря, что ли, Ника быстрее всех в классе бегают, уж на что Выдра длинноногий, и то Нику догнать не мог...

Ника хватается за ограду.

Мир вспыхивает огнем.

– Тетя Венера!

И хочет Ника броситься к тете Венере, и боится, а что если тетя Венера заругает, тетя Венера никогда не ругает, а вдруг...

– Никуш!

Обнимает Никушу, и не как обычно, а будто хочет уберечь от чего-то. От беды какой-то.

– Вот она, свиристелка ваша. В целости и сохранности.

Это дядьки говорят. Которые цветахаке. Которые Нику каким-то дрянным чаишком отпаивали. Конфеты какие-то совали, которые еще до сотворения мира сделаны.

– Пойдем, Никуш. Домой пойдем, поздно уже.

У Ники губы дрожат, и не хочет Ника, чтобы губы дрожали, а они дрожат.

– А... к маме... пойдем?

– Не пойдем к маме, не пойдем.

– А... почему? Она там, там...

Ника показывает в темноту ночи, где светится ограда.

– Ну... пойдем, пойдем... как тебе объяснить... трудно объяснить. Давай попробую...

Садятся в таксюшку, водила одной рукой рулит, другой рукой девочку рядышком обнимает, пятой по телефону говорит, шестой автомат держит, сейчас все дядьки с автоматами ходят, а то мало ли что...

Тетя Венера объясняет. Ника слушает. Не понимает. Не верит. Что такое война, почему война, война – это раньше было, давным-давно, прадедушка что-то там говорил такое,

была война, а сейчас какая война, сейчас войны вымерли все.

– Ну, ты понимаешь... раньше мы с ними вместе жили, а вот теперь между нами война.

– А... почему?

– Ну, не знаю. Не поделили что-то.

– А что не поделили?

– Ну, не знаю я...

Что-то тетя Венера путает. Тетя Венера часто путает, то Ника из школы забрать забудет, то еще чего...

Ника бросает в кусты осточертевший портфель, бежит через дворы. Пропади оно все, и школа эта, и химичка эта, которая сама балда осиновая и кукла покрашенная. И все, все пропади.

Ника к маме бежит.

Пропади оно все, нечего ждать, пока Ника вырастет, Ника уже выросла, вон, курточку осенью покупали, а весной она мала уже.

Так что пора Нике с мамой дружить. Только надо ее сначала найти.

Мама, она высоко, Ника знает, что мама высоко. Ника, правда, не видела, как мама в небо высоко улетала, только знает. Папа в разговоре с большими дядями и тетями нет-нет да и покажет вверх, в небо, мол, мама – там.

Так что надо Нике вверх лететь. Где мама.

Ника забирается на крышу высотки, по пожарке, оглядывается, не видит ли кто. А то повылезут всякие тетки, а-а-

а, вон пошла, мусорите только, да кто вас пусти-и-ил... кто-кто, дед Пихто...

Ника расставляет руки, прыгает вниз. С высоты, чтобы наверняка. Когда с высоты прыгаешь, оно страшно, а когда страшно, сама не поймешь, как полетишь.

Вот и летит Ника. У самой земли вспорхнула, и вверх, вверх. Здорово так. Ветер в ушах. И поднимается Ника все выше, выше.

Холодно. Это Ника знает, что там, наверху, будет холодно, на географии учила. И что там дальше воздуха будет не хватать, это тоже Ника знает. Ничего, Нике не привыкать, она уже знает, как не дышать, в бассейне нырнет на полчаса, и не дышит.

И как не замерзнуть, Ника тоже знает. И как лететь, чтобы от земли оторваться, Земля-то, она большая, держит людей, не отпускает. Это надо раз несколько вокруг земли облететь, разогнаться хорошенько, а там и за пределы Земли вылететь...

Это у Ники от мамы. У Ники вообще много что от мамы. И летать уметь – от мамы, и без воздуха дышать – от мамы, и перепонки на пальцах тоже от мамы, и глаза желтые, фасеточные, это тоже от мамы, Пашка, дубина стоеросовая, идиотище, Нику за глаза эти засланкой из космоса дразнил, и камнями швырялся. А Ника его током шибанула, ох, взвыл. Это у Ники тоже от мамы, током бить.

Много у Ники что от мамы. Вот Ника к маме летит, никто

ей не сказал, куда лететь, Ника сама знает. Это у Ники тоже от мамы, знать, куда лететь.

Хватилась Ника, что маме ничего в подарок не взяла, альбом не взяла с рисунками, вот Ника их маме показать хотела. Ну да ничего, не возвращаться же теперь, куда денешься...

То-то мама обрадуется, когда Ника прилетит. Сказала же тетя Венера, ты вырастешь, вы обязательно будете дружить...

Вот и земля, где мама живет. Только земля у мамы не голубая, а лиловая, и солнце не желтое, а красное. Знать бы еще, где маму найти, а то земля вон какая большая, кто ее знает, где мама... Ничего, Ника к кому-нибудь на улице подойдет, спросит, где мама, ей скажут. Да быть не может, чтобы никину маму везде не знали.

Ты вырастешь, обязательно будете дружить...

ПОСТОРОННИЙ ОБЪЕКТ В ЗОНЕ ДЕЙСТВИЯ

Спускается Ника, знает, что спускаться надо плавно, чтобы в атмосфере не сгореть.

НАВЕСТИ ЦЕЛЬ

Ника спускается, вон уже огни какие-то видно, города, знать бы еще, где мама...

ПУСК

Вон и что-то сияющее летит навстречу, мама, наверное, то-то она обрадуется...

Кем вы были в прошлой жизни

– Ну... было такое чувство... я дорогу переходила, и вдруг ощущение такое накатило... что это уже было со мной когда-то. Вот эта дорога, вот этот перекресток...

– Дежа-вю.

– Это чего такое?

– Явление так называется... дежа-вю.

– Ну вот, где-живу... иду и думаю, вот там за углом магазин должен быть со ржавыми буквами фрукты-овощи, а чуть ниже новенькая надпись Секонд-Хэнд... заворачиваю, точно, вот он, магазин...

– Ну, знаете, было такое... прохожу мимо швейной фабрики, и чувство такое, что я там работала... даже вот помню, как я эти свитера сшивала, зад, перед, горловину, рукава...

– ...меня сын вообще достал, мама, а где я раньше был, мама, а где я раньше был... я говорю, не было тебя раньше, а он опять – где я был...

И это не единичные случаи, когда люди помнят или пытаются вспомнить свое прошлое. Давайте же разберемся поподробнее с феноменом прошлых жизней. Смело могу вас заверить (да вы и сами скоро убедитесь) – прошлые жизни существуют.

Что нужно сделать, чтобы понять, кем вы были в прошлой жизни?

Сразу после того, как вы перешли в новую жизнь, увидели себя в незнакомом месте – не суетитесь, не пугайтесь. Большинство людей впадают в панику, с женщинами даже случается истерика. Не паникуйте. Замрите. Новая жизнь будет нашептывать вам свои законы и правила – не слушайте ее.

Постарайтесь вспомнить свою прошлую жизнь.

Кто вы и откуда.

Если ничего не вспоминается, посмотрите на себя – в частности, в чем ваши руки. Во что вы одеты. Если руки у вас перепачканы красками, скорее всего, вы были маляром. Или художником. Если на ваших руках мозоли, скорее всего, вы занимались грубым физическим трудом. Присмотритесь также к одежде: прошлая жизнь редко оставляет нам наше облачение, но все-таки быть может вам повезет, и белый халат или синяя роба скажут все сами за себя.

Тест 1. Ваше отношение к прошлой жизни

Я иногда задумываюсь, кем я был раньше

Нет, это не про меня 2

Частично про меня 1

Это про меня – 3

Иногда какие-то места, где я был первый раз, казались мне знакомыми

Нет, это не про меня 2

Частично про меня 1

Это про меня – 3

Иногда мне кажется, что я чувствую переход из жизни

В жизнь

Нет, это не про меня 2

Частично про меня 1

Это про меня – 3

Я стесняюсь говорить с другими людьми о прошлых жиз-

нях

Нет, это не про меня 2

Частично про меня 1

Это про меня – 3

Иногда какие-то люди кажутся мне знакомыми, хотя я вижу их впервые

Если вы набрали – 55 – 100 баллов. Это очень опасный знак. Вы слишком хорошо помните свои прошлые жизни. Не боитесь ли вы расстаться с настоящей?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Предпосылки реинкарнации

Давайте посмотрим на один общеизвестный факт, а именно:

Продолжительность жизни человека может составлять до семидесяти лет и больше.

И верно: оглянитесь вокруг себя, посмотрите на прохожих: среди них попадаются и дети, и люди молодые, и старики. Откуда-то они же берутся?

А на деле продолжительность жизни человека – год, максимум, – полтора года.

Если бы мы на самом деле жили полтора года, на улице нам попадались бы одни малолетние дети. Но повторяю: мы видим и людей среднего возраста, и стариков.

Вот вам первая страшная истина:

На самом деле мы живем семьдесят с лишним лет!

Понимаю, поначалу она вас шокирует. Как шокировала и меня, когда я до этого додумался.

Задание: выйдите на улицу, постоит там час. Посчитайте, сколько мимо вас пройдет детей, людей молодых, людей среднего возраста и стариков.

Хозяева мира нам говорят: человек появляется. Живет год-два. И все.

А вот спросите как-нибудь хозяев мира, посмотрите в их призрачные лица: а что бывает после жизни? Через эти самые полтора года? Они ответят – ничего. Вас просто не будет, и все.

Спросите их – а где я буду, когда меня не будет?

И посмотрите, как они смутятся.

Спросите: откуда появляется человек?

Вам никто не ответит.

Задание: поищите среди своих знакомых, кто недавно родился. Расспросите их, помнят ли они свои прошлые жизни.

Вот какие результаты опроса получились у меня лично:

Прошлые жизни – это чушь собачья, и все такое – 78%

Ничего не помню – 10%

Иногда что-то смутно вспоминаю – 5%

После рождения помнил, потом забыл – 4%

Хочу вспомнить, но не могу – 3,5%

Помню – 0,5%

Краткая таблица: кем вы были в прошлой жизни.

Попытайтесь вспомнить, что вас окружало в ту минуту, когда вы появились на свет. Если не можете – расспросите очевидцев.

Вы появились в сельской местности – скорее всего, ваша прошлая жизнь была связана с сельским хозяйством

Вблизи фабрики – возможно, вы работали на этой фабрике

У вас бледная кожа – скорее всего, вы были клерком в офисе

У вас проблемы с легкими – что-то, связанное с вредными химикатами

Вас тянет на концерты, в кинотеатры, и. т. д. – вы были в сопровождении у хозяев жизни

Вы шарахаетесь от концертов, театров как черт от ладана – вы, скорее всего, сами выступали на сцене.

Вы появились на свет в пустой комнате с занавешенными окнами или еще в каком-то месте, которое не дает никаких подсказок. Самый страшный знак В прошлой жизни вы занимались чем-то таким, о чем вас вынуждают забыть раз и навсегда. Если есть возможность, посидите, постарайтесь что-нибудь вспомнить. Хотя вряд ли это у вас получится.

Давайте же разберемся, кто и зачем перебрасывает нас

из жизни в жизни на протяжении нашей одной (70 лет!) жизни.

Кто бы это не делал, он делает это явно не нам на благо. Посудите сами, если бы мы прожили 70 лет жизни, мы могли бы научиться гораздо большему и успели бы сделать гораздо больше. Нам не пришлось бы каждый раз после перерождения месяц учиться простейшим правилам, два месяца овладевать ремеслом, потом долго зарабатывать себе на достойную жизнь, а потом – когда вроде бы уже все есть, жизнь удалась – эта самая жизнь подходит к концу.

Кому-то невыгодно, чтобы мы жили семьдесят лет. Эти кто-то могли бы просто умерщвлять нас по истечению полутора лет, но тогда бы человечество вымерло. И те, кто укорачивают нашу жизнь, пошли другим путем: они...

Ответы на вопросы

Ко мне приходит множество писем. К сожалению, большинство из них имеет ярко негативный характер. Мне угрожали даже физической расправой. Называли мракобесом. Правда, есть и другие письма. Письма с благодарностями. Кто-то действительно сумел вспомнить свою прошлую жизнь, мне даже написала женщина, которая нашла человека, с которым в прошлой жизни состояла в браке.

Есть и такие письма, где меня прямым текстом спрашивают: а сами-то вы помните свою прошлую жизнь? Отвечу – я отношусь к тому небольшому проценту людей, которые появились на свет в пустой комнате. Более того, скажу:

при попытке вспомнить что-нибудь оттуда, у меня в памяти как будто возникает какой-то блок, который не пускает меня в прошлое.

Может быть, именно это заставило меня заняться изучением прошлых жизней.

Вопрос: как хозяева жизни относятся к вашим исследованиям?

Отвечу: негативно. Мне очень обидно, что хозяева жизни, которые знают о жизни так много, считают мои исследования мракобесием. Кто-то говорит – раз так говорят хозяева жизни, значит, так оно и есть. Им виднее. Все-таки они живут в пяти измерениях, вертят пространство и время как им вздумается, они бы давно сказали нам про прошлые жизни, если бы что-то такое было на самом деле.

Осмелюсь возразить – они ошибаются. Нив коей мере не отрицаю интеллект хозяев жизни, и все-таки говорю:

Есть вещи, которые не знают даже хозяева.

Развернутый тест: кем вы были в прошлой жизни?

Запахи трав кажутся мне знакомыми

Часто

Иногда

Никогда

Глядя на людей, я пытаюсь вспомнить, где я их видел раньше

Часто

Иногда

Никогда

Иногда я читаю какую-то книгу, и мне кажется, я ее уже читал

Часто

Иногда

Никогда

Иногда я читаю какую-то книгу, и мне кажется, что я ее сам написал

Часто

Иногда

Никогда

...

Вы набрали 45 очков из 100 – ваша деятельность была связана с творчеством, общением с людьми (писатель, учитель, журналист, репетитор)

70 очков из 100 – ваша деятельность была связана с земледелием, сельским хозяйством...

Документальные подтверждения существования прошлых жизней

Да, они существуют. Месяц назад мне попалась на глаза фантастическая книжка – Наполеон. Путь к славе. Я обожаю читать, поэтому проглотил ее залпом. Для тех, кто не знает, расскажу: в книжке написана фантастическая история сверхчеловека, императора сверхлюдей. Эти люди обладают знаниями, сравнимыми со знаниями хозяев жизни, эти люди живут по полвека и дольше. Я был очарован похождениями

императора, который пытался захватить всю Землю (!).

А потом... я задумался.

А потом я стал вспоминать. Книги, книги и книги. Книги, которые я читал. Про Моисея. Про Наполеона. Про Стива Де Жопса. Про Рока Феллера.

Я ужаснулся: во всех фантастических романах герои жили по пятьдесят, по семьдесят лет!

Проще всего назвать это выдумкой, нереализованной мечтой человечества о вечной жизни и бессмертии. Но отчего тогда сроки жизни так совпадают? И если бы люди через свои книги мечтали о бессмертии, то автор бы просто написал – Стив Де Жопс жил вечно. А тут...

Семьдесят лет...

Пятьдесят лет...

Восемьдесят лет...

Чувствуете? Все сходится. То, что мы принимаем за фантастические романы, на самом деле правда!

**ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА
В ПРОШЛОМ РЕАЛЬНО СОСТАВЛЯЛА СЕМЬДЕСЯТ
С ЛИШНИМ ЛЕТ!**

И – ни слова о реинкарнациях.

Всю свою жизнь люди прошлого сохраняли ясность ума.

Более того – осмелюсь сообщить, что многие из нас (за исключением детей и молодежи) когда-то не переживали ежегодные реинкарнации.

Тест: не были ли вы в прошлой жизни долгожителем без

реинкарнаций?

Иногда мне кажется, время течет слишком быстро

Иногда

Часто

Нет

В отличие от многих людей меня не гложет постоянная мысль – мне уже полгода, а я еще ничего не добился в жизни

Иногда

Часто

Никогда

Иногда я ни с того ни с сего начинаю строить долгосрочные планы, которые явно не смогу осуществить (на пять лет, на десять лет)

Иногда

Часто

Никогда

...

Вы набрали 70 из 100 баллов – да, скорее всего, вы жили в те времена, когда реинкарнаций еще не было, и люди жили по семьдесят лет. У вас есть все шансы вспомнить эту эпоху.

Воспоминание о прошлых жизнях с помощью гипноза

Все мы, так или иначе, прибегали к гипнозу: быстро выучить какой-нибудь материал, сдать экзамен, полюбить нелюбимого человека, избавиться от неприятных воспоминаний. Мне доводилось общаться со многими гипнотизерами, которые своим воздействием отправляли людей в про-

шлое – так вот, все целители в один голос говорят, что если увести человека очень глубоко в прошлое, он вспоминает свои прошлые жизни.

Так одна женщина панически боялась выходить на проезжую часть. Дошло до того, что ей пришлось отказаться от хорошей работы, потому что в офис нужно было идти через дорогу. Женщина пошла к гипнотизеру, он отвел ее в прошлые жизни. Оказалось, в одной из прошлых жизней женщину едва не сбил всадник на лошади.

Вы скажете, все это бред и шарлатанство. Но на бедре у моей героини был широкий шрам, происхождение которого неизвестно. А в своих воспоминаниях она говорила... что этот шрам оставил ей грузовик.

Более того. Через месяц на вечеринке она познакомилась с человеком, который внушал ей безотчетный ужас. Она не могла объяснить, в чем дело. Мужчина же, напротив, стал искать встречи с ней. Однажды он пришел к женщине домой и... признался, что в прошлой жизни чуть не сбил ее на верхом на коне. Он вспомнил этот случай, когда увидел ее лицо.

По понятным причинам я не называю фамилий гипнотизеров. Официально считается, что вспоминать прошлые жизни крайне опасно для психики.

Ко мне приходит множество писем. Отвечаю на них по мере возможности, оставляю без внимания прямые оскорбления и угрозы в мой адрес. Нет времени отвечать на все письма, ведь я обычный человек, загруженный рабо-

той и повседневной рутинной.

Вопрос: а сами вы были у гипнотизера?

Ответ: был и не раз. Но своих прошлых жизней я не увидел. Всякий раз, когда мы с врачом приближались к порогу реинкарнации, я терял сознание, а один раз у меня даже остановилось сердце.

Мне кажется, кто-то нарочно не пускает меня в прошлое. В этом плане я особенный человек, не похожий на остальных. Мне кажется, в моем прошлом есть что-то такое, о чем мне запрещают знать.

Знать бы еще, кто запрещает...

Долго не писал, не было времени: хозяева жизни подсуетились, дали мне повышение по службе и новый дом. А месяц назад хозяева жизни расщедрились, в лотерею выдали мне путевку в Европу.

Хвала и честь хозяевам жизни, мысленно целую их призрачные лица.

Но в путешествии я открыл удивительную вещь. В Швейцарии мне довелось спуститься в подземные пещеры. Мне довелось зарисовать парочку пещер на память. Вернувшись в гостиницу, я открыл только что купленный сборник фантастических рассказов «Наука и жизнь». Мне на глаза попала история про волшебное изобретение – Большой Андронный Коллайдер. Я сравнил картинку к рассказу с моими зарисовками...

Вывод был ошеломляющий:

ПОД ЕВРОПОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАХОДЯТСЯ
ОСТАНКИ БОЛЬШОГО АНДРОННОГО КОЛЛАЙДЕРА!

ТО, ЧТО МЫ ПРИНИМАЕМ ЗА ФАНТАСТИКУ –
НА САМОМ ДЕЛЕ НАША ПРОШЛАЯ РЕАЛЬНОСТЬ!

С нетерпением жду ваших писем. Понимаю, кого-то возмущит подобная дерзость. Но может, кто-то видел что-то наподобие. С удовольствием прочитаю ваши весточки.

...правильно, с жиру бесится, хозяева жизни его прикормили, обласкали, он уже от скуки теории великие изобретать начал. Спихнуть бы его в рудники, посмотрела бы я, как он там фантастику свою читать будет...

...уважаемый Игнат, пишет вам Олег из Челябинска. Обнаружил удивительную вещь. Как-то на распродаже купил фантастический роман про гениального изобретателя Курчатова. А в выходные пацаны позвали меня на карьеры купаться. Мы там нашли какой-то древний монумент, стали смахивать с него пыль. Каково же было мое удивление, когда я прочитал на монументе – Курчатов.

Хотя, может, это памятник литературному герою. Не знаю.

...привет, Игнатка, чего не пишешь, жизнь коротка, друзей забывать не надо. А то наших уже никого нет, с кем учились, ни Ленки, ни Светки, ни Андрейки. Ты прикинь, чего тут на-днях было, иду по улице, а навстречу Светка. Я прямо офигел, кинулся к ней, думаю, она же померла. Она такая – мужчина, вы что, я вас не знаю. Только тут понял, что

не Светка это. А похожа, ну просто копия...

К продолжению темы: воспоминания, навеянные гипнозом

Я проанализировал информацию, полученную от знакомых гипнотизеров и пришел к ошеломляющему выводу: да, воспоминания о прошлых жизнях могут различаться (и различаются), но воспоминания о переходе из жизни в жизнь У ВСЕХ ОДИНАКОВЫЕ!

Я ЗНАЮ, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ!

Все как один вспоминают одно и то же: узкий коридор или туннель, по которому их куда-то везут, в конце туннеля пробивается свет.

Что это может быть, неизвестно.

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА:

В момент гипноза мозг человека отключается, остаются активными только небольшие участки зрительных долей, отсюда – полная темнота и проблески света...

Очень долго не возвращался к своим записям. Уважаемые читатели поймут меня, в жизни столько всего, и столько нужно успеть, нелепо тратить жизнь на тесные кабинеты и пыль библиотек. Так я думал до поры до времени. До позапрошлой ночи.

Мне приснился сон – чудовищный по своему содержанию. И по своей реалистичности. Я увидел себя с каким-то баллоном в руках, вроде распылителя, я точно знал, что в этом распылителе сода. И я...

Трудно писать, но надо.

Я направлял соду на хозяина жизни, чтобы уничтожить его.

Проснулся с сильно бьющимся сердцем. Видение оказалось слишком реалистичным, на какие-то доли секунды я не мог понять, где сон, где явь.

В тот же день я пошел в храм хозяев жизни на покаяние. Они выслушали меня на удивление спокойно. Сказали, что я совсем загнал себя – работа, карьера, дача не достроена, взял в кредит уже третью машину. Намекнули, что жизнь моя коротка, надо уметь и отдыхать тоже. Сказали, что если буду взваливать на себя все и вся, то мне еще и не такое приснится: один человек так загнал себя на работе, что каждую ночь ему снилось, как он душит свою жену.

Хозяева жизни приласкали мое сознание, как умеют это только они. Скажу одно, никогда еще мне не было так хорошо.

Набрался храбрости, спросил у хозяев жизни – их было двое – про реинкарнации. Поделился своими впечатлениями. На удивление, выслушали меня неожиданно спокойно, сказали, что я самый умный человек из всех, кого они знают.

Они сказали, что ждали меня давно – человека, который способен понять тайну реинкарнаций. Они хранили эту тайну от людей много веков, потому что люди со своей коротенькой жизнью не способны что-то понять. Я первый, кто начал догадываться...

Они обещали рассказать мне все.

Тест: способны ли Вы понять таинство реинкарнации?

Умеете ли вы читать?

Да

Нет

Очень плохо

Умел, но разучился

Умеете ли вы вычитать и складывать?

Да

Нет

Только небольшие числа

Пользуюсь таблицами

Умеете ли вы делить и умножать?

Да

Пытаюсь, но всегда ошибаюсь

Пользуюсь таблицами

Нет

Вблизи какой звезды находится прародина хозяев жизни?

Антареса

Альтаира

Фомальгаута

Не знаю

Какую форму имеет Земля?

Плоскую

Квадратную

Никогда об этом не думал

Были ли у вас случаи дежа-вю?

Да

Нет

Не замечал

Есть ли у вас навыки или способности, которым вы не учились, но обладаете?

Да

Нет

Самая малость

Надо торопиться. Чувствую, что потратил свою жизнь слишком праздно. Да кто же знал, что к концу жизни я приближусь к величайшему откровению. Все было как у всех, родился в белой комнате, первые недели учился ходить на унитаз и держать ложку, первый месяц учился считать дважды два и читать по складам. Потом три месяца учился печатному делу, пошел в типографию. По уши залез в книги, читал все подряд.

Кто же тогда знал, что на самом деле нужно читать... и что все это значит...

А теперь мне осталось немного, и так уже протянул год и два месяца, на меня смотрят, как на долгожителя. Что-то подсказывает мне, что смерть недалеко.

Все чаще приходят непонятные сны. То я бегу по темным коридорам, спасаюсь от хозяев жизни. То поливаю хозяев жизни содой, и они сгорают дотла. То прячусь от тех же хозяев жизни. То воодушевленно говорю что-то перед толпой

единомышленников, но во сне не могу разобрать – что.

Я боюсь не успеть получить сокровенные знания. Хозяин жизни, который обещал меня научить, сейчас уехал на пару недель на свою прародину. Что для них пара недель – тьфу, миг, а для нас это одна двадцать пятая жизни.

Чувствую, что не дождусь моего учителя.

Не успею.

Одно радует – я начал видеть свое прошлое. Безо всяких гипнотизеров. Вижу темный туннель и свет в конце, кто-то тащит меня в туннель, я сопротивляюсь, кричу...

Узнайте свою прошлую жизнь по дате своего рождения
23.08. – 23.09 Скорее всего, вы были человеком состоя-
тельным...

Свершилось.

Я сделал то, чего не удавалось никому.

Я избежал перехода.

Это случилось сегодня возле библиотеки. Я просто почувствовал, как на мое сознание накатывает какая-то сила, давит на мои мысли, парализует волю. Я не поддался этой силе. Я заставил себя не поддаться. У меня просто не было другого выхода, я должен был победить подступающую тьму.

Я победил.

Я победил смерть.

Я очнулся на тротуаре, из носа текла кровь, но можно сказать, я легко отделался. Надо мной наклонился хозяин жизни, я узнал своего наставника. Я рассказал ему, что случи-

лось. Он сказал, что я необыкновенный человек, который победил смерть. Я хотел узнать тайну жизни и смерти прямо сегодня, сейчас, но хозяин жизни сказал, что мне нужно отдохнуть. Обязательно. Все-таки не каждый день человек побеждает смерть. Он сам отнес меня домой на своих прозрачных крыльях, уложил в постель и принес мне горячий шоколад. Велел не напрягаться, дать отдых своим мозгам, хотя бы сегодня не думать ни о чем таком... запредельном. Я так и сделал. До конца вечера смотрел какой-то дешевенький фильм, какой-то ужастик, где хозяева жизни пришли из космоса, поработили землян. Фильм стилизован под кинохронику, пробирает до ужаса, кто это надумал наших славных хозяев жизни переделать в таких чудовищ и убийц. В общем, полная чушь из серии – полицейский сошел с ума, пошел стрелять всех подряд, любимая жена оказалась вампиром, а все люди – зомби. Но нервы щекочет изрядно. Хотя с фантастикой переборщили: повозки ездят без лошадей, летают по небу, а люди сражаются палками, которые плюются огнем.

– Вы хорошо подумали?

– Я думал об этом всю жизнь. Весь год.

– Ну, знаете... думать об этом и согласиться на это – разные вещи.

– Для меня это одно и то же.

– Похвально... вы необычайный человек. Что же... пойдемте...

– Вот черт...

– Вам знакома эта вещь?

– Темный туннель... свет...

– Все верно. Чтобы познать жизнь и смерть, вам нужно пройти через этот туннель.

– А что это?

– Узнаете, когда пройдете.

– Ну... а хотя бы в двух словах?

– Это невозможно объяснить... по крайней мере сейчас, при вашем теперешнем уровне сознания... когда вы пройдете туннель, ваше сознание изменится... вы поймете...

– Боязно...

– Решайтесь. Я думал, вы мужественный человек.

– Да... я покаяться перед вами забыл... мне вчера снилось... что я вас чуть не убил... Так реалистично было, как воспоминание какое-то...

– Я вам сказал, Игнат, вы себя на работе посильнее загоняйте, вам еще и не такое приснится. Мне вообще вчера приснилось, что я вам жилы на запястьях перерезал. Так что мы квиты.

Тест: можете ли вы вспомнить свою прошлую жизнь?

Где вы появились на свет:

В поле

В лесу

В городе на улице

В доме

В магазине

На фабрике

Другое

В белой комнате с занавешенным окном

Были ли у вас случаи дежа-вю?

Да

Нет

Не уверен

Не замечал

Был однажды. Я шел мимо библиотеки, и мне стало плохо, закружилась голова. Мне показалось, что однажды именно на этом месте мне было плохо.

Бывало ли такое, что вы читаете книгу, и вам кажется, что вы ее когда-то читали?

Было. Вот сейчас, читаю эту книгу, и мне кажется, что я ее читал... много раз...

Бывали ли у вас страшные сны?

Один раз видел жуткий сон, будто я решил уничтожить всех хозяев жизни. Так испугался этого сна, что даже сходил в храм, покаялся. Хозяева жизни успокоили мою душу, больше плохие сны не повторялись.

Бывало ли такое, что вы читаете книгу, и вам кажется, что вы ее сами написали?

Взрослая жизнь

...прежде всего, надо осторожно подвести взрослого к мысли, что взрослая жизнь – это не навсегда. Конечно, приятно каждый день ехать на работу и сидеть в офисе, но рано или поздно все кончается. Даже самое хорошее.

Если взрослый еще ничего не понимает в жизни, задайте ему, например, вопрос, почему в мире есть взрослые и дети. Скорее всего, он расскажет вам распространенную у взрослых легенду о любви, о размножении человека, о том, что ребенок растет внутри матери. Тогда спросите взрослого, почему у него у самого нет детей. Он будет говорить вам что-нибудь по большую ответственность, про чайльдфри и тому подобное. Тогда спросите, знает ли он кого-нибудь среди своих знакомых, у кого есть дети.

Конечно, он ответит вам отрицательно.

И это заставит его задуматься.

Если взрослый уже что-то понимает из Истинного Знания, спросите, как долго он собирается ходить на работу. Скорее всего, взрослый расскажет вам другую легенду, про заслуженный отдых. Спросите, знает ли он людей, живущих на заслуженном отдыхе. Ответ так же будет отрицательный. Что заставит его задуматься.

Осторожно спросите у взрослого, как он думает, что будет с ним дальше. Лет через пятьдесят. Через сто. Спросите

осторожно, потому что взрослые не любят говорить на тему смерти. Большой человек скорее всего отмахнется, в крайнем случае расскажет грустную сказку, что все мы умрем когда-нибудь. Спросите его, умирал ли кто-нибудь из его близких. Если он скажет – да, спросите, как это было, видел ли он умершего.

Он скажет – нет, не видел.

И это заставит его задуматься.

Не старайтесь сразу раскрыть взрослому Истинное Знание. Скорее всего, он отмахнется, скажет – не болтай глупости. В лучшем случае он сделает вид, что поверил, удивленно приподнимет брови, скажет – да ты что?

Дайте взрослому человеку самому понять Истинное знание. Рано или поздно он начнет догадываться. Понимать. Чувствовать.

И вот тогда...

Подведите взрослого к мысли, что взрослая жизнь – это не навсегда. Не надо обещать ему золотые горы и реки, полные вина. Не надо говорить, что дальше, в детстве, его ждет только счастье. Это большая ошибка, в дальнейшей жизни будет немало разочарований. Так же не надо запугивать взрослого человека – вот, ты потеряешь все, что имеешь, ты станешь совсем не таким.

Говорите про Переход, как про неизбежность. Сам по себе Переход – это не хорошо и не плохо. Это просто Переход. В разговоре со взрослым как-нибудь намекните на Пе-

реход и то, что за ним. Если большой человек спросит, что это такое, объясните подробнее. Не огорчайтесь, если взрослый вам не поверит, не пытайтесь переубедить.

Попробуйте подготовить взрослого к детству. Конечно, это нужно делать не со взрослыми, которые только что сошли с конвейера, а с такими, которым до Перехода остался год-два.

Например, поиграйте с ними во что-нибудь. Или позовите с собой за город, в лес, на речку. Попросите что-нибудь нарисовать. Или придумать сказку. Всячески поощряйте творчество. Может быть, взрослый будет отмахиваться, что у него нет времени, но за год-два до Перехода людей пораньше отпускают с работы, так что это не проблема.

Впрочем, бывают сознательные взрослые, которые понимают, что бессмысленная взрослая жизнь – это не навсегда. Больше всего таких людей волнует вопрос – кто же будет работать, если не я. Спросите, что он делает в своей конторе. Скорее всего, вы получите ответ – ничего. Заносит в компьютер цифры, которые никому не нужны. Или оформляет бумажки, которые тоже никому не нужны.

Спросите взрослого, откуда берется хлеб и мясо, одежда и обувь. Выслушайте от него сказку, что взрослые люди делают все это на специальных фабриках. Спросите, знает ли он лично таких людей. Не разубеждайте. Не торопитесь рассказывать, что хлеб и мясо, одежда и обувь, кофе и шоколад растет на деревьях, и вы каждое утро выходите во двор, что-

бы собрать все это взрослым к завтраку и разнести по магазинам. Большой человек все равно не увидит до Перехода булки и конфеты, растущие на деревьях, он не поверит, что когда посылает маленького мальчика в магазин, мальчик просто выходит во двор и срывает батон с молодого клена.

Не говорите и про вечное лето. Когда взрослым мерещится зима, не бегайте босиком по улице, не травмируйте их психику. Взрослые до Перехода не видят вечное лето.

Ближе к Переходу большой человек начинает понимать, что к чему. Вот здесь можно уже поговорить с ним серьезно. Что детство – это не только игры и шалости, это еще и постоянное творчество, кропотливое выдумывание чего-то нового. Что все открытия в мире совершаются детьми. Что солнце встает и садится, потому что так хотят дети. И Земля вертится только по воле детей.

В момент Перехода лучше будет, если кто-нибудь из детей останется со взрослым рядом: возможно, ему будет страшно. Кстати, о страхах поговорите заранее, расспросите взрослого, чего он боится, и...

Собиратель летучих мышей

Человек выходит из машины...

...стоп-стоп-стоп, что за человек, какой человек, как его зовут, где он работает, как он выглядит, худой он, или полный, высокий или низкий, женат он или нет, что он делает по вечерам...

...а неважно. Потому что человек этот появится в книге всего один раз.

Вот сейчас.

Так что и знать про него ничего не надо.

Итак, человек выходит из машины. Машина у него... а пусть будет дорогая и красивая, читатели любят, когда машины дорогие и красивые. Итак. Выходит, поднимает голову, смотрит на бескрайнее небо, которое открывается за городом...

Что-то не так.

Еще непонятно, что именно – но что-то не так. Облака... луна... нет, не то. А вот. Нет звезд. Не так, как бывает в облачную погоду, а... совсем нет.

Человек припоминает, когда последний раз видел звезды. Ничего не припоминается, человек хлопает дверцей машины, шагает в сторону торгового центра.

Это пролог.

А первая глава еще не написана.

Потому что автор её не придумал. Он придумывает главу, только сначала надо придумать героя... вот сейчас...

– Вот что... может, мне это... орхидеи разводить?

– Было уже.

– Ну, не орхидеи, другое что.

– Тоже было.

Детектив смотрит на автора. С ненавистью смотрит. Детектив, когда сердится, у него... а неизвестно, что у него, автор не придумал ещё. Может, ноздри раздуваются, может, нос туда-сюда ходит, или глаза сверкают, или еще что.

– Или я буду на скрипке играть, – говорит детектив.

– И не будешь ты на скрипке играть, – парирует автор, – и трубку курить не будешь. Было уже.

– А шахматы?

Автор думает насчет шахмат. Вроде не было нигде ничего про шахматы. А может, было. Автор не помнит, автор не может все книги в мире перечитать. Вот и черт пойми, каким он, этот детектив, получиться должен, что он делать будет, в шахматы играть, или карточные домики строить, или фигурки шахматные вырезать будет, хотя нет, вырезание фигурок тоже уже было, Эмиль из... из... да изоткуда же Эмиль был, название-то и не выговоришь...

– Ты бы хоть... – детектив хочет что-то сказать, не договаривает, его обрывает звонок в дверь

Звонок у детектива...

...а чёрт его пойми, какой у детектива звонок, может, из классики что-то, а может, простой такой, динь-дон, а может, птичка чирикает – автор еще не придумал.

Детектив кивает автору:

– Извините... я сейчас.

– Да, да, конечно.

Герой спускается по лестнице... ага, значит, два этажа у него в доме, если он в доме живет, или квартира в два яруса, если в квартире поселился. Детектив выглядывает в окно, смотрит на панораму огромного города – огни, огни, огни – нет, всё-таки в квартире живет.

Снова звонят. На этот раз детектив слышит звонок – переливаются колокольчики. Он открывает дверь, не сразу открывает, возится с замком, еще бы – первый раз он этот замок видит, всего несколько минут живет на свете с того момента, как придумал его автор.

– Вечер добрый.

Ага, значит, сейчас вечер. А солнце еще высоко.

В дом детектива входит человек, худой, нервный, лицо как будто ненастоящее, как у манекена лицо. А одет он... А автор не знает, во что он, гость этот, одет. Чтобы сказать, вот что гость одет, это надо придумать, в какую эпоху всё происходит, и то ли доспехи рыцарские надеть на гостя, то ли римскую тогу, или деловой костюм, или скафандр...

Нет, если за окном огромный мегаполис, значит, одет гость будет в современный костюм... ну, или во что-нибудь футуристическое. Автор живо перебирает в поисковике одежду будущего на модных подиумов...

– И не просите даже, не надену я такое!

Это гость.

Автор хмурится:

– Я вашего мнения не спрашивал, я здесь автор, а вы...

– ...вы меня за кого принимаете?

Наконец, после недолгих споров останавливаются на костюме, который напоминает военную форму какой-то несуществующей армии. А детектив одет... автор еще не знает, во что одет детектив, поэтому детектив сейчас в домашнем халате поверх пижамы, и почему-то в галстуке.

– Добрый вечер.

– Разрешите представиться, – гость открывает рот, тут же закрывает, беспомощно смотрит куда-то вверх, – да, чёрт возьми, автор, придумайте мне уже имя!

– А как я вам имя придумаю? – автор вспыхивает, – какой вы национальности? Из какой страны? Вас как величать прикажете, Коля-Петя-Вася или Джон-Джек-Майкл, Кимон-То-Не-Дошито какое-нибудь или какой-нибудь Хрен Вам Всем?

Гость смущается.

– Ну... ну пусть я буду японец.

– А что вы про Японию знаете?

– М-м-м-м...

– И я ничего не знаю. Так что не получится у нас с Японией. Ничего, что-нибудь придумаем...

– Что поделаешь, – детектив сочувственно кивает гостю, – у меня пока тоже имени нет. Да вы проходите, располагай-

тесь... Осторожнее!

Детектив кричит – осторожнее, но уже поздно: массивная люстра срывается с потолка, острый край вонзается в шею гостя, голова гостя падает к ногам детектива...

– Осторожнее – повторяет детектив, сам не знает, зачем – осторожнее...

Что-то происходит: обезглавленное тело ходит по комнате, беспомощно размахивает руками. Наконец, подхватывает упавшую голову, пытается водрузить на плечи. Только сейчас детектив понимает, что не видит крови. Совсем. А ведь её должно быть здесь немеряно.

Тем временем гость вставляет назад голову, поворачивает с легким щелчком.

Детектив не понимает, оторопело смотрит на автора, читатель, должно быть, тоже не понимает, как такое может быть, человеку отрубили голову, а он её назад поставил, как ни в чем не бывало.

– Это у нас что, – спрашивает детектив, сюрреализм или как?

Автор загадочно улыбается:

– Мимо.

– Тогда... Гхм... Слушайте, не знаю я, что вы тут затеяли.

– Ну вот, а еще детектив. Все бы детективы такие были, преступникам бы вообще было раздолье... Ну, что вашему гостю еще сделать, микросхему какую из головы достать, или что?

Детектив хлопает себя по лбу.

– Ну, конечно! Как же я сразу не догадался... Робот... робот!

– И снова мимо... Ну да что вы гостя в прихожей держите, вы проходите...

– Куда проходить? Вы бы хоть придумали холл какой или там что...

– Да, конечно... будет вам холл.

Детектив оглядывает холл, небогатый получился холл, диванчик, два кресла перед камином, картина какая-то на стене, на ней... м-м-м... детектив пока не будет говорить, что он на картине увидел. Да и вообще, какая разница, читателю же интересно, с чем гость пришел, а не что там на картинах нарисовано.

Хозяин дома в растерянности. Здесь по идее надо гостю бокал вина предложить, или чашку кофе, только какой тут бокал вина, если гость не ест... или подзарядиться ему предложить...

Детектив откашливается, кивает на розетку:

– Зарядиться... не желаете?

– Большое спасибо, не откажусь.

Гость вонзает зарядник в розетку, детектив задним числом отчаянно соображает, во сколько ему обойдется это угощение.

– Итак... слушаю вас.

– Думаю, вы понимаете, что такое оцифрованное созна-

ние.

– Ну, не то, чтобы понимаю... но что-то слышал.

– А о раздвоении личности... тоже слышали?

– Бывало.

– Понимаете... Я тут один документ вечером состряпал...

– Что за документ?

– К сожалению, не могу сказать, коммерческая тайна.

– Автор еще не придумал, понятно. Ну, так что с документом?

– Потом смотрю, а он испорчен.

– Испорчен?

– Ну да. Данные все перевераны, цифры, чертежи...

– Вот как...

– Вот так. Смотрю на часы, по моим данным должно быть полседьмого, а на часах семь. Семь, понимаете?

– У вас сбилось время?

– Я тоже так подумал. А потом увидел, что документ испорчен. А за эти полчаса в кабинет не заходил никто.

– Ну, скажем так... кто-то мог зайти, только вы не ви...

– ...да там кабинет на пароль закрыт, какое может быть – кто-то мог зайти?

Меняется тембр голоса, детектив довольно кивает, надо же, как хорошо сделали, говорит как живой.

– Ну, не вы же это сделали...

– Не я, конечно.

– Гхм... ну, хорошо... я займусь вашим делом. Обязатель-

но. Завтра утром я к вам подойду.

Автор вздрагивает:

– Вы сказали – завтра утром?

– Ну да, а что?

– А что вам мешает поехать прямо сейчас?

Детектив вскидывается:

– Может... сами догадаетесь?

– Боюсь, не догадаюсь.

– А так. Пока мне имя не придумаете, не поеду.

– Ах вот вы как заговорили... ну хорошо, хорошо... Анастрой Виллер тебя устроит?

– Это на каком языке?

– Да ни на каком... вы в двадцать втором веке в каком-нибудь, там все языки уже перемешались... национальности все...

– Разрешите с вами не согласиться.

Автор снова вспыхивает:

– Слушайте, здесь я командую, а не вы.

– Ну, знаете, вы меня сначала детективом делаете, а потом требуете, чтобы я молчал, когда какие-то нестыковки вижу.

– Ой... ну ладно, скажем, родители ваши эксцентричные люди были... вот такое имячко своему сыну дали.

– Ну, хорошо, ваша взяла... пойду, подумаю.

Анастрой вежливо провожает гостя, закрывает двери, возвращается в холл, хотя нет, холл у Анастроля, это для приема гостей, а сам Анастрой обычно сидит в кабинете, на вто-

ром этаже. Так вот, возвращается Анастрой в кабинет, чтобы насладиться свежесваренным кофе...

– Стойте, стойте, а кто же мне кофе заварит, я один живу!

– Один? Ну... сейчас какого-нибудь слугу тебе придумую... – автор придумывает слугу, слуга не придумывается, такие они, эти слуги-почтальоны-кассиры-таксисты, придумываться никак не хотят.

– Ладно, – говорит автор, – вот что, я на людей посмотрю, подвернется мне какой-нибудь колоритный человечье, я с него слугу спишу.

– А я что, без кофе сейчас сидеть должен?

– Ой, ну что с вами поделаешь... А вот что, я вам систему Умный Дом сделаю, он вам кофе заварит...

– ...с удовольствием, хозяин.

– Не, – Автор качает головой, – хозяин, это как-то банально. Лучше – мой господин?

Анастрой смеется:

– А почему бы не Властелин Мира?

– Ну, это тоже сильно банально, я свою Сири так выучил говорить... Да вы не расслабляйтесь сильно, сейчас к вам друг заглянет денюжат попросить.

– Ещё не хватало.

– Вы погодите, он у вас закадычный друг... и специалист по компьютерной безопасности, вот он у вас кто.

Очень рад за него. Вот пусть безопасностью своей и занимается.

– Да нет, вы меня не поняли, вы у него проконсультироваться можете насчет клиента вашего.

– А деньги всё равно придётся дать?

– Придётся, ничего не поделаешь.

– Ну ладно, будь по-вашему...

Хей, как делишки?

Детектив смотрит на монитор, печатает ответ:

Отлично, а у тебя?

Деньжат не подбросишь?

Детектив сжимает зубы, так, началось...

Видишь, я сам немножко на мели...

Да я только до понедельника.

А сегодня у нас что?

Вторник.

И до понедельника какого месяца? И какого года?

Да ну, что ты злой сегодня такой...

...как не злой, задал мне тут клиент задачку...

Что за задачка?

Детектив терпеливо пересказывает услышанное, не будем утомлять читателя подробностями того, что он и так уже знает.

А, так это башка глючит.

Это что значит?

– ...Ну а теперь представьте, что в оцифрованном созна-

нии завелся вирус... что-то вроде компьютерного вируса...

Недавний гость перебивает:

– Так вы его изловите?

Детектив разводит руками:

– Ой, это не ко мне, это вам к программисту какому надо...

– Да нет у нас здесь никаких программистов, где вы их видите?

– Ничего, автор придумает...

Гость бледнеет.

– Вы что... отказываетесь?

Детек... э-э-э, то есть, Анастрой разводит руками:

– Ну что я могу поделать, не ко мне это, не ко мне. К психологу обратитесь... еще там к кому...

– Вам что... не нужны деньги?

– Очень нужны, сэр, но не могу же я заниматься не своим делом!

– Анастрой... я был о вас лучшего мнения.

– Мне очень жаль, что не оправдал ваших ожиданий... всего хорошего.

Недавний гость...

Ах да, Автор ему фамилию придумал.

Милан.

Человек выходит из дома, поднимает голову.

Ищет звезды.

Не находит.

Утешает себя, что сегодня, наверное, звезд нет.

Это не тот самый человек, это другой человек.

Мало ли человеков в городе.

Автор этого человека не придумал.

И вообще про него ничего не знает.

– Вот что... я придумал. Вы будете коллекционировать крылышки летучих мышей, – говорит автор.

Анастрой вздрагивает:

– Что?

– Будете коллекционировать крылышки летучих мышей.

– З-зачем?

– Ну, надо же вам что-то делать... особенное. Чтобы читатель вас запомнил.

– Да уж, запомнит меня читатель... с крылышками-то. Может, мне их еще на чердаке разводить и в масле жарить?

– Гхм... а неплохая идея.

– И речи быть не может. Ищите себе другого героя.

– А вас тогда куда?

Анастрой хочет что-то ответить, тут же понимает, что если он, Анастрой, не согласится, так, где он, этот Анастрой будет, а нигде не будет.

Страх смерти подступает к Анастрою, раньше он и не думал, как это, когда страх смерти.

– А вот что... а можно я домики из старых шахмат вырезать буду?

Автор бормочет что-то про Эмиля из как-её-там-эту-девушку.

– ...у меня городок шахматный будет, – не унимается Анастрой.

Да знаете...

– ...я им крылышки летучемышинные приделаю.

– Ну ладно, ладно, будь по-вашему... Режьте свои... фигуры.

Часы над камином возвещают половину двенадцатого. Часы у Анастроля красивые, с кукушкой, собранные из шахматных фигур.

Анастрой ждет.

Ничего не происходит.

Вот уже который день – ничегошеньки-ничего.

Анастрой волнуется, быть такого не может, чтобы ничего не происходило. Это же всё-таки книга, в книге что-то случаться должно, должен же кто-то прийти, попросить помощи. Какая-нибудь девушка, у которой без вести пропал отец, или женщина, у неё мужа подозревают в убийстве, а он никого не убивал, или случайный прохожий услышал обрывок случайной фразы, и понять не может, что это такое, и к детективу пришел...

А тут никого нет. Никто не звонит, не переливаются ко-

локольчики, не...

Анастрой начинает волноваться, уже потихоньку думает про себя, что может, он, Анастрой, и не главный герой вовсе, и действие происходит где-нибудь на другом конце города, там драки, погони, убийства, преступления, а Анастрой появится в каком-нибудь крошечном эпизоде, ответит на вопросы полицейского что-нибудь типа «Не могу знать, сэр».

И всё.

Анастрой ждет, подходит к окну, смотрит на бесконечный город за окнами, огни, огни, огни. Хочет спросить автора, но автор молчит. Вот так, когда он нужен, этот автор, он молчит.

Часы бьют полночь.

Анастрой смотрит в пустоту, спрашивает кого-то невидимого:

– Так этот ваш... Милан... он и есть мой клиент? Да?

Тишина.

Ничего не происходит.

Анастрой повторяет вопрос, – снова ничего не происходит.

И понимает – надо идти.

Герой надевает пальто и шляпу, выходит из дома и... оказывается на крыше огромного здания. Оглядывает свой дом, только сейчас понимает, что живет в маленьком доме, который стоит на крыше огромного здания. Дом выполнен в виде шахматной королевы со множеством окон и крыльцом.

Анастрой выходит из машины. Машина у Анастроля... а нету у Анастроля никакой машины, такси взял. Так вот, выходит Анастрой из машины, останавливается перед домом Милана. Дом у Милана...

...а какой у Милана дом? Пентхауз какой-нибудь на последнем этаже? Или старинный особняк? Или неприметная квартира третья в пятом ряду?

Или...

– Нет-нет-нет, – не соглашается автор, – так читатель не запомнит. Ну, дом и дом. А надо, чтобы потом про книгу говорили, книгу читал, там еще дом такой у героя...

...какой?

Анастрой оглядывается, ищет дом, вот он, огромная высотка, в визитке написано – тридцать седьмой этаж, добро пожаловать. Детектив входит в просторный холл, ищет лифтовую кабину, вот она, просторная, прозрачная, и кнопки, тридцать четыре, тридцать пять, тридцать ше... а тридцать седьмая где? А тридцать седьмой нету.

Герой выходит из лифта, оглядывает холл, может, есть какой-то другой лифт, или лестница какая – нет, ничего нет. Детектив хочет спросить кого-нибудь в холле – спрашивать некого. Нет, не то, чтобы никого нет, люди-то есть, только автор их еще не придумал, люди и люди, а что за люди, какие люди, черт их пойми, Анастрой к ним подходит, а они растворяются, и лица размытые, как на фотографиях в Гугле...

Герой хочет позвать автора, автор не отвечает, ну как всегда, как надо, так его нет. Делать нечего, детектив поднимается на тридцать шестой этаж, на всякий случай (просто так) выходит на крышу, оглядывается, крыша как крыша, над крышей парит металлический шар, реклама какая-нибудь, не иначе...

Анастрой не выдерживает, зовет автора:

– Да где же он живет-то?

– Так и не нашли? Так вот же.

– Этот шар?

– Ну а то.

Анастрой оглядывает шар, где тут вход, где тут звонок, где тут что – ничего нет. Стучит в металлическую поверхность – просто так, чувствует себя идиотом.

Шар приоткрывается, выпускает динамик и видеокамеру.

– Кто вы такой?

– Я Анастрой. Мы с вами вчера разговаривали... или по-стойте, я тогда еще не был Анастроем... но мы с вами говорили... вчера...

– Убирайтесь!

– Но...

– Убирайтесь, я сказал!

Анастрой понимает, что нельзя уходить, не по сюжету это вот так повернуться и уйти. Надо звонить. Надо настаивать, чтобы пустили. Надо...

– Но вы просили меня помочь!

– Не нужно мне вашей помощи! Убирайтесь!

– А как же вы один справитесь? Слушайте... я знаю, как вас спасти... знаю...

Анастрой блефует, и Милан знает, что Анастрой блефует, и всё-таки настораживается, спрашивает:

– От кого вы?

– От самого себя.

– На кого вы работаете?

– Так на самого себя же.

– Гхм... ну, хорошо... проходите... проходите...

Шар раздвигается, выпускает лестницу. Анастрой поднимается, открывает неприметную дверь, делает шаг... тут же отскакивает, когда дуло пистолета прижимается к его виску.

– Стойте... не двигайтесь, – голос из динамика, – выворачивайте карманы.

Детектив покорно вынимает телефон, ключи, бумажки какие-то, откуда здесь бумажки в двадцать первом-то веке или какой он там, век.

– Оружие – гремит динамик.

– Какое оружие?

– Которое у вас с собой. Вынимайте.

– Нет у меня никакого оружия.

– Вы что, без оружия ходите? – удивляется динамик.

– Ну...

– Вы что, не боитесь?

Анастрой пожимает плечами:

– А кого мне бояться?

– Ну... не знаю... сколько лет уже детективничаете, успели себе врагов нажить...

– Я главный герой, где это видано, чтобы герой умирал... да ещё и в первой же книге.

– Гхм... ну ладно. Проходите.

Герой проходит в круглый зал, оглядывается, ищет хозяйина.

– Где вы?

– Гхм... а может, сами догадаетесь?

– М-м-м... нет.

– Ищите, ищите... посмотрим, какой вы детектив.

Анастрой заглядывает в комнату, в другую, в третью, видит хозяйина, вот он полулежит в крес...

...нет, это не хозяин, это оболочка хозяина, а хозяина в теле нет.

Анастрой спохватывается.

Хлопает себя по лбу.

– Ну, конечно... вы... в доме!

– Это понятно, а где именно? – смех в динамиках.

– Именно. В доме. Это же умный дом, не так ли? Сейчас вы в его системе.

– А вы молодец... угадали... стойте!

Детектив замирает, и вовремя – огромная лестница падает как раз на то место, куда он должен был встать.

– Вы... вы что?

– Это не я. Простите, но это не я... это он.

– Кто... он? Ах, да, вы про вирус говорили...

– Осторожнее!

Анастрой падает на пол – и вовремя, из стены выдвигается еще один пистолет, стреляет туда, где секунду назад была голова детектива.

– И это... и это тоже он, – только и может выговорить Милан.

Гость беззвучно ругается, вынимает из-за пазухи пистолет, выстрелом пытается сбить оружие на стене...

– Ага, значит, всё-таки было оружие! Значит, всё-таки наврали мне, что без оружия пришли!

– Да я, правда, безоружный пришел, это автор выдумал, что у меня пистолет, а до этого думал, что нет у меня никакого оружия с собой...

Анастрой не договаривает, выстрелом подбивает пистолет, торчащий в стене. Из соседней стены тут же высовывается еще одно оружие, целится в стол, за которым прячется детектив.

– И... и много их у вас тут?

– Да порядочно. Я свой дом хорошо защитил... кто же думал, что мой собственный дом против меня пойдет.

– А вы можете как-нибудь...

– ...да вот это я и пытаюсь сделать. Он мне не даёт... не позволяет...

– Тогда может... дадите мне уйти?

– Ну, уж, нет! Вы сюда так рвались, а теперь сбежать собираетесь?

– Ну, вы понимаете, я один-то что могу сделать, ничего сделать не могу. Это специалистов надо...

– ...каких, к чёрту, специалистов, это первый в мире случай, никогда раньше такого не было! Да и как я вас выпущу, он не дает...

Снова выстрелы. С той, с другой стороны, Анастрой уже не понимает, кто есть кто, кто хозяин, кто не хозяин...

Столешница разламывается пополам, ах ты ж, чер-р-р-т...

– Вот что... Ана... Ана... как вас там...

– Анастрой.

– Анастрой... сейчас доберетесь до моего тела...

– ...под градом пуль?

– Слушайте, у нас другого выхода нет... доберетесь до тела моего, свяжете его по рукам, по ногам, слышите? Там ремни есть, ремнями пристегнете...

– ...да меня до этого застрелят миллион раз.

– Не застрелят, я его удержу... потом в комнату напротив пойдете, где рубильник...

– Да вы издеваетесь...

– ...и рубильник отключите. Я тогда окажусь в теле... там и поговорим...

Бах! – еще один пистолет в стене разлетается вдребезги.

– Бегите! Скорее же!

Анастрой бросается в комнату, где лежит тело, захлопы-

вает дверь, в которую бьют еще два выстрела. Хватает ремни, защелкивает на лодыжках тела. Выглядывает в коридор.

Выстрел.

Еще.

Анастрой ползком-ползком пробирается по коридору, пуля свистит прямехонько над макушкой, детектив думает, почему его до сих пор убить не могут, может, не хотят убивать, а может, автор так решил. Надо бы у автора спросить, только некогда.

Вжик – выдвигной шкаф хочет раздавить детектива, тот успеваает увернуться, шкаф тут же падает, придавленный выдвигной кроватью. Анастрой думает, зачем хозяину кровать, вроде не должен он спать, не человек же. Или автор опять ошибся с чем-то, ну конечно, ошибся, тут вон, и стиральная машина в атаку пошла, а что ему стирать-то, тут и холодильник, и что он в нем хранит. А дальше и вовсе непонятно, в бой вступают какие-то лестницы, колонны, двери, арки, Анастрой прячется то за одним, то за другим, отчаянно пытается понять, кто свой, кто чужой, кто на его стороне, кто не на его стороне...

Комната подскакивает, пол и стены меняются местами, пол и потолок меняются местами, Анастрой перескакивает со стены на стену, дом вертится бешеным кубиком Рубика. Детектив прыгает на рубильник, переключает...

Дом фыркает, вздрагивает, как раненое животное, замирает.

– Всё... обошлось... – голос Милана издалека, из комнаты где-то под потолком, – а вы молодец... быстро среагировали...

– Это что, вот когда Монтгомери брали, вот тогда пришлось побегать, это да.

– А что за Монтгомери?

– А не знаю, что за Монтгомери, автор не придумал ещё.

– А-а, ясно...

Пауза. Анастрой подбирается к телу... к хозяину дома, то есть, садится в кресло.

– Вы мне помочь обещали, – говорит хозяин.

– Да. Боюсь, у нас только один выход.

– И какой же?

– Только один... я хочу поговорить с вашим... гхм... альтер... гхм... с вашим вирусом.

– Это невозможно.

– Отчего же?

– Просто. Невозможно.

– Что невозможно, вы мне причину сказать может?

– Я... я не хочу, чтобы вы с ним говорили.

– А что такое? Постойте, постойте, попробую догадаться... Он добрался до ваших файлов и узнал о вас что-то такое... в чем вы боитесь признаться, кому бы то ни было? Какие-то интимные подробности? Какие-то темные дела?

– Нет. Просто... вы понимаете, если он выйдет наружу... он может уже не вернуть меня мне. Никогда.

– Но ведь он и так в какой-то момент может не вернуть вас вам? Так что чем быстрее мы разберемся, что это за штука такая у вас в сознании...

– Нет. Даже не просите. И речи быть не может.

Детектив поднимается с кресла, подходит к двери:

– В таком случае, мне очень жаль. Ничем не могу помочь.

– Стойте, стойте, куда вы пошли, я вас не выпу...

Анастрой открывает дверь с легким щелчком.

– Можете не беспокоиться, я уже знаю, как открывается эта дверь.

– А вам не откажешь в наблюдательности... я правильно выразился?

– Вроде да... Всего вам хорошего.

– Эй, эй, постойте, вы бы хоть меня развязали!

– Сообщу в полицию, они вас развяжут... всего хорошего.

Детектив выходит из дома-шара, беспомощно висящего над крышей, садится в маши... а нет, сначала в лифте спускается на первый этаж, а там и в машину садится, или нет, в какую машину, нет у детектива никакой машины, он в такси садится и домой едет.

Глава какая-то там

- Я придумал. Вы будете гадать по разбитым блюдам.
- Что, простите? – детектив оторопело смотрит на автора.
- Гадать будете. По разбитым блюдам.
- Да, черт побери, я детектив или шарлатан какой?
- Детектив. Но надо же вам увлечение какое-нибудь...

нестандартное...

– Может, мне вилами по воде писать? Или ноликом вышивать? Вы это кончайте... Я сказал, шахматы, значит, шахматы... и нечего...

– Фигурки вырезать? Вы это бросьте. Ну вы сами подумайте, двадцать первый или какой у нас там век, технологии всякие... А вы тут с ножичком сидите, фигурки всякие режете.

– Ну, не с ножичком, ну буду на принтере на каком-нибудь печатать... тридэшном...

– А вот это уже лучше, это уже выход... Ну ладно, будь по-вашему, печатайте свои фигурки...

Итак, детектив устраивается у камина и начинает конструировать трехмерные шахматодомы. Это помогает ему думать. Ну да, конечно, помогает раздумывать, как раскрыть запутанное дело, как убрать вирус...

– Вот что... врагов его поискать надо.

– Врагов? – переспрашивает автор.

– Ну да. Кто-то же ему этот вирус подсунул?

– С чего вы решили, что ему этот вирус именно подсунули?

– Ну а как же иначе, у нас с вами детектив? Детектив. Значит, недоброжелателя искать надо.

– М-м-м... а если у нас всё тут не по законам жанра, а как раз наоборот, неожиданный поворот сюжета?

– А вот не получится у вас так, это в детективе запрещенный прием. Должен быть преступник. Должен.

– А у меня против правил будет.

– Э-э, нет, тогда издательство не возьмет...

– Да что вы вообще знаете, какие у нас издательства? Ладно, будь по-вашему, вы детектив, так идите, отработывайте версии про недоброжелателей...

Миса Мила оказывается миловидной девушкой лет двадцати...

– ...постойте-постойте, какая еще Миса Мила? – Анастрой удивленно оглядывается, – как я вообще сюда попал?

Автор вспыхивает:

– Слушайте, я что, должен каждый чих, каждый пук ваш расписывать, как вы утром встали, кофейку попили, из дома вышли, то есть, сначала, встречу с девушкой назначили, а потом из дома вышли, в кафе приехали...

– А что за девушка? Невеста моя?

– Это вы интересно про невесту сказали... Но нет, это по-

мощница Милана. Бывшая.

– ...это мне сейчас ещё за девушку в кафе платить?

– Слушайте, ну вы и жмот... да вы на девчонку-то посмотрите, на такую и денет не жалко...

– Вам не жалко, а мне очень даже... – детектив ворчит, но все-таки платит за даму, как её там, Мису Милу. Ах да, Миса Мила коктейль заказала какой-то там понаворочанный, вот Анастрой за неё и заплатил.

– Разрешите задать вам пару вопросов... вы были помощницей Милана?

– Была... довольно долго.

– Можно узнать, почему вы перестали у него работать?

Загадочно улыбается:

– Можно я не буду отвечать на этот вопрос?

– Вам придется ответить. Чтобы снять с себя подозрения.

Миса Мила вспыхивает:

– Вы что, подозреваете, что это я его убила?

– Уби... постойте-постойте, Милана никто не убивал.

– А что с ним случилось?

– Вирус ему кто-то подбросил... не знаете, у него враги были?

– А у кого их нет?

– Ну, это понятно... в смысле, такие враги, которые смерти его хотели.

– Ой... ну, не знаю я. Может, помощник его, этот, как его... Кальмар, не Кальмар... Крокус... Кактус... Конкурс...

нет, не то... Кокон...

Мила Миса включает телефон, смотрит на экран, щелкает клавишами.

Детектив не выдерживает:

– Слушайте, я же всё-таки с вами разговариваю, а вы в телефон...

– Да вы не видите, я имя его ищу! Вот... Милан энд Компани... А вот, Колер его фамилия, Колер. Он с Миланом работал...

– А теперь не работает?

– Может, и теперь работает, кто его знает... они вечно с ним на ножах были.

– А из-за чего они конфликтовали, вы не знаете?

– Ой, не знаю я... из-за всего.

– А вы с ним в каких отношениях были?

Мила Миса вспыхивает:

– В смысле?

– Ну... ссорились?

– Да ну, что вы...

– Понятно. Вы были его любовницей?

Мила Миса подсакивает, вздрагивает, оторопело смотрит на Анастрою:

– Что-о-о-о?

Детектив повторяет. Спокойно. Уверенно:

– Вы. Были. Его. Любовницей?

– Да как вы смеете?

– Я задал вам вопрос. Отвечайте.

Мила Миса встает, резкими шагами идет к двери маленького кафе. Детектив пожимает плечами, жмет кнопку тревоги, нет, лучше так, передергивает плечами, (это автор подумал).

Сюда бы послать бравых полицейских, только у нас будущее всё-таки, поэтому полицейских не будет, просто хитромудрые манипуляторы подхватят девушку, снова усадят в кресло, и хоп – защелкнутся ремни.

– Итак... – детектив резко выпрямляется, – я повторяю свой вопрос: вы были его любовницей?

Мила Миса всхлипывает:

– Это... это имеет значение?

– Да.

– Была...

– А потом?

– Послала я его подальше, вот что потом...

– Причина?

– Да вы... да вы не знаете... он... у него таких, как я, было вагон и маленькая тележка... а я... я...

– Вы любили его?

– Ну а как, по-вашему, любила, конечно!

– Мне придется проверить вашу память.

Мила Миса передергивает плечами, что делать, проверяйте...

Детектив подключается к Мисе. Смотрит. Смотрит воспо-

минания, как сны, пытается понять...

Вот оно.

Нашел.

Отключается.

Вытирает невидимые капли со лба.

– Это вы его убили.

– Что? – Мила Миса вспыхивает, вздрагивает, срывается на крик.

– Это вы. Его. Убили.

– Да как вы...

– ...память показывает, что это вы его убили.

Анастрой снова нажимает на тревожную кнопку.

– Уведите её.

– Пойдите-пойдите-пойдите, – автор перечитывает написанное, не понимает, – его же не убивал никто, ему же в голову кто-то вирус подсунул. Почему убили? Кто его убил? Его же никто не убивал, ему же компьютерный вирус подсунули. Должно быть, я ошибся...

Автор перепечатывает сцену, снова перечитывает – нет, опять сначала Милан жалуется, что ему подсунули вирус, а потом написано, что это Миса Мила убила Милана.

– Ну-ка, ну-ка, что вы там натворили? – спрашивает автор, – уважаемый Анастрой, вы там чего намудрили-то?

– Ничего не намудрил, что было, то было... я её память посмотрел, там увидел – убила Милана.

– Ну и как такое может быть?

– Не знаю даже... хотя... – детектив хлопает себя по лбу, – ну, конечно!

– ...вы свободны.

Щелкает замок, открывается дверь камеры, выходит Миса Мила, глаза заплаканные...

– Успокойтесь, успокойтесь... вы не виноваты ни в чем.

– Я... я его смерти хотела...

– Я знаю.

– Я так живо себе представляла, как его убиваю... много раз представляла... даже во сне видела...

– Понимаю. У вас в памяти отложилось.

– Ну да... Вы свободны... Прошу прощения за беспокойство, можете идти... Пойдите!

Миса Мила оборачивается.

– Вы говорили про Кактуса какого-то...

– ...про Колера.

– Да. Так он...

– ...ну, он с Миланом работал... у меня, вроде, мыло его осталось...

Детектив откашливается:

– Большое спасибо, у меня есть мыло.

– Да вы не поняли...

– А, конечно же... диктуйте емейл...

– Колер на связи.

– Уважаемый Колер... с вами говорит частный детектив

Анастрой.

– Что вы хотели?

– По поводу вируса...

– А с каких это пор детективы начали вирусами заниматься?

– Кто-то подбросил вирус вашему напарнику... Милану.

– Какой он мне напарник...

– Вы больше с ним не работаете?

– Давно уже не работаем.

– А... что случилось?

– А это вы у него спросите.

– Вы понимаете, что в ваших интересах отвечать мне?

– И что мне будет?

– Вы под подозрением.

– Думаете, я ему этот вирус подсунул?

– Всё может быть. Так почему вы больше не работаете вместе?

– Я не могу вам этого сказать.

– А-а-а, понимаю... как говорили в старину, не телефонный разговор...

Анастрой откашливается:

– Вот что... мы можем встретиться с вами... оффлайн?

– Смеетесь?

– Гхм... я понимаю, вы человек замкнутый, с людьми

встречаться не любите... но я хотел бы с глазу на глаз...

– Это невозможно.

– Вы поймите, речь идет о вашей безопасности, вас могут обвинить в том, что это вы подсунули Милану вирус!

– Да ну?

Ирония в голосе, плохо скрываемая ирония, детектив отчаянно пытается понять, что не так, над чем он так посмеивается...

– В чем дело? Почему вы не можете прийти?

– Почему я не могу прийти? А ничего, что меня убили?

– Убили? Так вы... копия?

– Копия, остаточное воспоминание в памяти всемирной паутины... называйте, как хотите. Вы на меня тут время тратите, а меня, между прочим, убили неделю назад!

Новая глава

Детектив устраивается в кресле, готовится записывать:

– Я хотел бы переговорить с вами.

Милан настораживается:

– По поводу чего?

– По поводу...

...нет, нет, не так, – Автор перечеркивает написанное, – лучше вот...

– Скажите, могу я поговорить... скажите, могу я... скажите...

Детектив оглядывает лица, лица, лица, кто-то бежит на детектива, кто-то чуть не сбивает его с ног, детектив уступает кому-то дорогу, трогает кого-то за плечо, плечо тут же растворяется в толпе...

Наконец, Анастрой преграждает дорогу незнакомцу с неподвижным лицом:

– Милан! Мне нужен Милан!

– Вон, на стойке спросите...

Детектив идет спрашивать на стойке администратора. Человек за стойкой не знает, где Милан. Никто не знает, где Милан. Милан занят, вот где Милан.

– Скажите... а он скоро освободится?

На стойке пожимают плечами, да никогда он не освободится, он всегда занят, всегда, всегда...

– Мне нужно задать ему вопрос... где он?

Никто не отвечает, Анастрой бросается к двери с табличкой «посторонним вход запрещен», его тут же отталкивает охранник...

Мимо мелькает лицо Милана.

– Уважаемый Милан, всего один вопрос...

– Занят я! А-а-а, это вы... Ну что такое?

– Ваш напарник умер неделю назад...

– Соболезную.

– Вы можете сказать мне, что вам известно о его смерти?

Милан вежливо улыбается:

– Я могу сказать всё.

Так скажите.

Милан повторяет:

– Я могу сказать всё.

Уходит. Вот так, просто, разворачивается, уходит прочь. Анастрой не понимает, издеваются над ним, что ли, должен же он что-то сказать...

– Должен же он сказать что-нибудь? – спрашивает Анастрой у автора.

Автор не отвечает, вот тоже как всегда, как нужен он, так не отвечает. Нет, не так себе всё это представлял Анастрой, не так, он думал, будет сидеть у себя в кабинете, к нему по очереди будут заходить люди, люди, люди, отвечать на во-

просы, это всё, уважаемый Анастрой? – да, всё, можете идти, большое спасибо за помощь следствию.

А тут...

Анастрой не понимает, зачем он пришел сюда, в бизнес-центр, да не он пришел, автор его погнал...

Детектив возвращается домой, умный дом приветствует хозяина:

– Добрый вечер, почтенный Анастрой.

– Добрый, добрый... можешь заварить мне кофе?

– С удовольствием, почтенный Анастрой.

...Анастрой входит в кабинет, чтобы насладиться свежесваренным кофе...

– Постойте-постойте, это как это? Он же не человек, как он кофе наслаждаться должен?

Это уже не автор возмущается, а читатель. Ну и автор вслед за ним возмущается, и правда, недоглядел. Анастрой держит чашку с кофе, готовится выпустить в любой момент, как только скажут, что негоже пить кофе, если ты не человек...

– Это придется всю книгу перелопачивать, – бормочет автор.

Детектив думает, тут же спохватывается, осененный:

– Не придется. Вот что... вы мне программу сделайте, где имитация вкуса кофе... и запаха кофе.

– Хорошо. Сделаю... готово.

– Стойте, стойте, это вы что сделали, на вкус капучино, а по запаху Амаретто получается.

– Ишь, ты, различили.

– А что вы хотели, вы меня сами тем еще эстетом сделали.

Так что у нас с кофе-то?

– А это сбой программы, вот что.

– Слушайте, вы автор, всемогущий, а программу нормально сделать не можете?

– Это я специально сделал, фишку такую, чтобы читатель запомнил.

– Что запомнил?

– Что книга такая была, там герой стимулятор кофе пробовал, там вкус один, а запах другой.

– Да ну вас... мне так не нравится.

– Ну, не нравится, потом в ремонт сообщите, вам поменять, как надо.

– Это ж сколько мороки...

– Не хотите, не меняйте, никто вас не заставляет. Ну, так что... главу можно заканчивать, или вы что-то делать будете, вы же не просто так сюда пришли кофейку попить?

– Да нет, я что хотел-то... еще поговорить с Колером.

– Где его искать, Колера этого... не осталось уже никакого Колера, воспоминания-то они долго не живут...

– Ничего... попытка не пытка, попробуем поискать...

Детектив устраивается у экрана, перебирает клавиши, а кстати, чего он у экрана сидит и клавиши перебирает, если

у него в голове компьютер, он и так к сети подключиться может. Ладно, пусть сидит, перебирает, если ему так хочется.

Вечереет.

Город в темноте разбегается неоновыми огнями. Кукушка в часах возвещает половину двенадцатого. Анастрой уже почти собирается пойти спать, когда нащупывает слабый сигнал.

– Уважаемый Колер... я могу поговорить с вами?

Колер не отвечает, да уже и нет никакого Колера, так, какие-то обрывки фраз, случайные записи в блогах...

– Колер! Уважаемый Колер, вы мне скажите, пожалуйста, кто вас убил, вы знаете?

– Конечно, знаю.

Это даже не ответ, это сигнал какой-то, утверждение, что за глупый вопрос...

– Знаете? Кто же? Кто это?

Колер не отвечает, Колер тает, Колера больше нет...

– Умный дом!

– Да, хозяин?

Или нет:

– К вашим услугам, хозяин?

Или тоже нет:

– Слушаю вас, почтенный Анастрой.

Как-то так. Автор еще не знает, как, все три варианта оставил.

– Умный дом... можешь найти мне Колера?

– Умный дом может всё.

– Я знаю, я спрашиваю, можешь мне найти Колера?

– Умный дом может всё.

– Умный дом... я приказываю... найди... мне... Колера.

– Умный дом может всё.

– Тьфу ты, чёрт...

– Чёрт – популярный персонаж славянских и европейских сказок...

Анастрой приказывает умному дому замолчать, Анастрой не понимает, почему умный дом не понимает, просил же, найти инфу...

– Всё очень просто – кивает автор, – умный дом не может сказать – нет, вот и отвечает – Умный дом может всё...

Детектив пожимает плечами, устраивается поудобнее в кресле, внезапно хлопает себя по лбу.

– Умный дом может всё... Ну, конечно! Именно это сказал Милан! Я могу всё! Он тоже не смог ответить – нет!

– Не смог ответить.

– А это значит... а это значит только одно. Он знает что-то про смерть Колера... но не хочет говорить. Вот что... я бы хотел еще раз поговорить с этим другом своим... который к меня денег занял.

Автор кивает:

– Конечно, конечно... поговорите, если вам это что-нибудь даст.

Анастрой набирает номер своего друга.

Ждет.

Нет, не так, не так, не так. Заходит на страницу своего друга.

Вздрагивает.

Читает. Перечитывает. Нет, быть этого не может, это ошибка какая-то, ошибка...

Никакой ошибки.

Любим.

Помним.

Скорбим.

Убит при невыясненных обстоятельствах.

Глава очередная

– Милан на связи.

Анастрой просыпается, потягивается на постели, нехотя включает телефон.

– Слушаю вас.

– Ну, так что, вы меня спасти будете или нет?

Детектив передергивает плечами:

– Как я вас спасти должен, если вы не делаете то, что я вам говорю?

– Что... не делаю? Вы имеете в виду...

– Да. Другого выхода нет. Вы должны дать мне поговорить с ним. С вашим... альтер-эго.

– Не называйте его так, умоляю вас.

– Как вам будет угодно. Так вот... я должен с ним поговорить.

– Ну, хорошо... вы хотите подъехать?

– Спасибо, хватит с меня вашего дома. Лучше вы ко мне.

– Боюсь, я не доеду...

– А что такое?

– Он не позволит мне... не позволит.

– Хорошо... вы можете встретить меня в переулке... возле вашего дома?

– Постараюсь...

Анастрой торо... э-э-э, нет, Анастрой не торопится, Ана-

строй готовится к бою, понимает, бой может оказаться нештучный. Берет пистолет, берет веревки, зачем-то берет нож, никогда нож с собой не брал, а тут вот берет.

...и берет такси.

Детектив приезжает в нужный переулок, оглядывается, никого нет, – похоже, ошибся переулком. Да не похоже, а ошибся, переулков-то вокруг дома четыре, и вот теперь ищи-свищи...

Что-то падает Анастрою на спину, швыряет героя на асфальт, Анастрой пытается вырваться, не успевает, получает лезвие между ребер, прямехонько в сердце. Н-да-а-а-а, не один Анастрой нож с собой взял...

Автор смотрит, автор не понимает, как так, быть не может, чтобы героя убили. Герой же, а герои не умирают. Вот так. В середине книги. Сейчас бы выволочку детективу сделать, куда вы смотрели, о чем думали, только некому уже выволочки делать...

– Что ж вы его убили-то? – спрашивает автор у Милана.

– Да кто ж знал, что он увернуться не успеет?

– Не успеет... вы на него как зверь бросились...

– А что я должен был делать?

Автор уже хочет закрыть файл, а что еще делать – когда что-то происходит, детектив поднимается с асфальта, выдерживает лезвие, тихонько чертыхается...

Автор спохватывается:

– Вам... врача?

– Нет-нет, не стоит...

Милан взмахивает руками, Анастрой привычным жестом перехватывает руки врага, связывает Милана, Анастрой драться учили, кто учил, автор не знает, но – учили.

– Развяжите меня. Ана... как вас там... Развяжите, слышите?

Анастрой замирает на мгновение, тут же спохватывается.

– Нет... нет.

Детектив догадывается:

– Нет... это не вы говорите. Не вы. Это он... вирус ваш.

– Да откуда вы знаете, где вирус, где не вирус? Может, это я с вами сейчас говорю... Не верьте ему! – кричит Милан.

Видно, что в сознании Милана идет борьба, борьба двух противоположностей, настоящей личности и мертвого вируса...

– Постойте-постойте! – не выдерживает автор, – как... как вы остались живы?

– Как я... слушайте, сам не знаю... хотя... вот что, вы меня кем придумали?

– Как кем? Человеком, кем...

– А у вас в планах раньше не было меня, например... киборгом сделать?

– Было, потом передо... э-э-э, постойте, хотите сказать, вы у меня с искусственным телом получились?

– Получился. Ну да ладно, некогда, некогда, давайте с этим разберемся... – детектив поворачивается к Милану, – расслабьтесь. Слышите меня? Расслабьтесь, даже не пытай-

тесь победить его. Дайте мне поговорить с ним!

– Мне... мне кажется, я умираю.

– Это нормально. На самом деле вы не умрете... нет, нет.

– Х-х-орошо... сейчас... попробую...

Взгляд Милана меняется, становится горящим, безумным, в то же время уходит привычная твердость.

– Вы меня хотели видеть?

– Да. Хотел.

– Кто вы такой?

– Вы детектив, вы и разберитесь.

– А если начистоту?

Гримаса пробегает по лицу, видно, что вирус пытается ответить, не может, что-то мешает ему, да не что-то – Милан мешает... мешает... наконец, вирус выжимает из себя:

– Колер моя фамилия.

– Кто... кто вас убил? Почему вы вселились в его тело?

Милан или кто он там выключается. Полностью. Обмякшее тело валится на руки детектива, Анастрой растерянно оглядывается, видит крыльцо с красным крестом, бросается туда, волоча за собой бесчувственное тело.

– Вы... вы можете ему помочь?

Какие-то люди склоняются над Миланом, люди бесчувственные, безликие, закрытые белыми марлевыми масками.

Милана увозят. Анастрой ждет.

– Всё в порядке, – говорит кто-то Анастрою, – жить будет.

– Я могу поговорить с ним?

– К сожалению, это невозможно. Состояние ещё тяжелое.

– Х-хорошо. То есть, ничего хорошего. С-спасибо. Я... пойду.

Детектив возвращается домой, умный дом открывает двери, кукушка над камином возвещает половину пятого. Анастрой устраивается у камина, вырисовывает на три-дэ принтере шахматную ладью со стрельчатыми окнами, параллельно записывает вопросы, а вопросов много накопилось, и кто убил Колера, и кто убил приятеля анастроева, и почему Колер в голове у Милана оказался, то ли подсунул его туда кто, то ли что...

– Ну как дело продвигается? – спрашивает автор.

– Дорогой автор... а вы что, тоже не придуманный?

– С чего вы взяли?

– Ну как же, вы сами посудите... я вас не видел никогда.

Какое у вас лицо? А одежда? А голос?

– Что, думаете, если вы меня не видите, так меня и нет?

– Получается, что так. Вернее, вы есть... но вас еще тоже придумать надо.

– А ничего, что вы меня вообще не должны видеть?

– С чего это вдруг?

– Где это видано, чтобы герой видел своего автора? Н-да-а, хорош детектив, ничего не скажешь, его послали дело расследовать, а он дурию мается, автора ищет.

– Я и расследую.

– Да? Что-то я не заметил. Ну-ка, кто убил друга вашего?

– Тот же, кто и Колера.

– Да? И почему вы так решили?

– Потому что Колер и мой приятель – это один и тот же человек.

– Бред.

– Совсем даже не бред. Вы с кого моего приятеля списывали?

– С одного своего знакомого, а что?

– А Колера вы с кого списали?

– Ко... а-а-а, ну да, с того же самого парня списывал...

– Вот никогда так не делайте больше. Видите, что получилось-то? Делали двух человек, а получился один и тот же. Вот одного убили, а второй тоже за ним...

– Чёрт... приятеля-то вашего я позже убить хотел... Ну ладно, что вышло, то вышло. А как, по-вашему, кто...

– Постойте-постойте, здесь я вопросы задаю, я же, всё-таки, детектив...

– Что, простите?

– Что слышали. Итак... Вы можете просто рассказать, как вы выглядите? Где живете? Кем вы работаете? Женаты? Дети есть?

– Я вам отчитываться не обязан.

– Если не обязаны, это только одно означает. Нет вас. Нет, и всё тут.

– Это всё, что вы хотели сказать?

– Да.

– Всего хорошего.

Автор уходит. Нет, не встаёт и шагает к двери, а просто... уходит. Герой ждет, быть не может, чтобы автор вот так, на-совсем, а что не может, автор всё может, сколько романов лежит недописанных...

Тишина.

Кукушка возвещает половину шестого, шахматная ладья обзаводится тремя этажами с мансардой, Анастрой думает, оставляет ладье место для лампочек, чтобы в маленьком до-мике загорались огни. Уже хочет нажать на кнопку «печать», когда в дверь звонят.

– Иду, иду! – Анастрой открывает дверь, оторопело смот-рит на полицейских.

– Чему обязан...

– Пройдемте с нами.

– А в чем...

– ...вы арестованы.

Анастрой беззвучно фыркает, ага, вот оно, маленькая месть от автора... Если и правда маленькая месть, а не боль-шая, а то ведь и мог другого главного героя себе найти, а это-го в тюрьму упрятать...

Детектив идет к машине, видит внутри автомобиля Ми-лана, ага, вот оно что...

– Это он? – спрашивают люди в форме, кивают на Ана-строю.

– Да, это он.

– Уважаемый Анастрой, вы обвиняетесь в попытке убийства.

– Но я...

– ...вы напали на Милана?

– Он...

– ...вы напали?

– Да дайте мне сказать, в конце-то концов! Милан напал на меня, потому что в него вселился вирус. Только на самом деле это не вирус, а душа... м-м-м... не душа, как сказать... память убитого недавно человека по фамилии Колер.

– Да? И как же эта память к нему... попала?

– Он сам её подсадил себе в голову.

– Сам? – полицейский оторопело смотрит на Анастрою, – но... зачем?

– Затем, что ему нужна была какая-то информация из головы убитого. Милан убил Колера, чтобы забрать у него информацию...

Детектив не успевает договорить, – Милан выскакивает из машины, бросается бегом по улице, в переулок, в другой, в третий...

– За ним!

Люди в форме бегут за беглецом, нет, плохая фраза, бегут за беглецом, лучше – бегут за преступником, прочесывают кварталы...

– Черт... упустили...

– Мы очень благодарны вам за помощь следствию.

Детектив разводит руками:

– Да что благодарны... этого негодяя поймать надо... Хотя бы в дом к нему зайти... да, вы осторожнее в доме у него, дом-то у него умный... вернее, безумный...

Умный дом Милана встречает на удивление радушно, открывает двери, зажигает свет. Анастрой хочет войти, кто-то из полицейских одергивает его, стойте, стойте, еще в ловушку попасться не хватало...

Анастрой не хочет в ловушку. Анастрой ждет. Кто-то из полицейских (кто? Как его зовут? Как он выглядит?) входит в дом, оглядывается:

– Умный дом, где твой хозяин?

– Дорогой гость, умный дом знает всё.

– Это значит – не знает он, – подсказывает Анастрой.

– Знаю, знаю, – кивает детектив, – умный дом, когда у тебя был Колер?

– Тринадцатого сентября, дорогой гость. В шесть часов тридцать пять минут.

Полицейский с Миланом переглядываются, ага, вот оно, день убийства...

– И что было потом?

– Он покинул меня, дорогой гость. В восемь часов тринадцать минут.

Анастрой спрашивает:

– Он ушел... сам?

– Его унес дорогой хозяин.

– Так-так... покажешь нам записи?

Умный дом может показать всё.

– Ну-ну... – полицейский подходит к системнику, ковывается в системнике, выискивает видеозаписи, вот оно, есть, нашел...

На записи звучит звонок в дверь. На экране Милан поднимает голову. Звонок у Милана простенький, динь-дон, нд-а-а, мог бы автор и поинтереснее что-нибудь придумать...

Милан кивает:

– Умный дом, открой дверь.

– С удовольствием, добрый господин.

Входит Колер, худой, нервный, волосы зачесаны куда-то в никуда, уши как у летучей мыши, глаза горят.

– Вечер добрый, – кивает Милан, – очень рад вас видеть... проходите, присаживайтесь... кофе?

Колер отрицательно мотает головой, падает в кресло, которое подъехало к нему сзади.

– Что же, самое время обсудить...

– ...я требую финансирования.

– Друг мой, ваши проекты не будут никому нужны в течение ближайших нескольких миллиардов лет.

– Но рано или поздно вселенную ждет Большой Разрыв. Разлетятся галактики, погаснут звезды...

– Это произойдет не ранее, чем через несколько миллиар-

дов лет. Давайте всё-таки займемся более актуальными вещами...

– Но...

– Друг мой, я не собираюсь финансировать то, что не принесет прибыли, запомните это раз и навсегда. Меня не интересует то, что случится через милли...

– ...это случится через месяц.

– Что, простите?

– Что слышали. Через месяц от этого мира не останется ни следа.

– Вы врете.

– Посмотрите в окно. Вы видите звёзды?

– Нет, но...

– ...а когда вы последний раз видели звезды?

– М-м-м...

– ...и никогда не увидите. Их нет. Они мертвы. И скоро за ними отправится наша планета.

Здесь уже все – и полицейские, и Анастрой – отскакивают от экрана, бросаются к окну.

Смотрят на звезды.

Которых нет.

– Надо найти его... Колера... который Милан... который Колер... – бормочет Анастрой, – умный дом, ну ты правда-правда ничего не знаешь?

– Умный дом может ответить на любой вопрос.

– Надо будет его проверить, – говорит полицейский, – экс-

перты этим займутся...

Анастрой обиженно разводит руками:

– А я?

– А вы разошлите сообщения о розыске Милана... который Колер... который Милан...

Глава очередная, какая-то там...

Анастрой входит домой, кивает умному дому:

- Будь добр... сделай мне кофе.
- С удовольствием, мой господин.

Что-то не нравится Анастрою, что-то настораживает Анастрою, голос незнакомый, то есть, знакомый, но не дома голос, а Милана, вот он, сидит в кресле...

- Как вы сюда попали?
- Дом впустил меня.
- Проклятье... Н-да-а, похоже, пора менять систему дома.

Кофе?

- Не откажусь.
- Дом, будь добр, завари нам по чашечке... Итак, перейдем к делу. Почему вы скрыли от меня то, что сказал вам Колер про Большой Разрыв?

– Я...

– ...и не говорите, что вы просто забыли об этом.

– Я...

– ...а я скажу вам, почему вы не сказали. Вы надеялись сами вытянуть из Колера нужную информацию, как предотвратить Большой Разрыв. И подзаработать на спасении мира, не так ли?

– Вы меня без ножа режете.

– Что же, дорогой Милан, боюсь, у нас нет другого выхо-

да... только поговорить с ним снова.

Дикий, необузданный страх в глазах Милана.

– Он... он заберет моё тело... насовсем.

– Не заберет. Я сделаю всё, чтобы не забрал.

– Ну, хорошо.

– Расслабьтесь.

– Не могу. Чувство такое...

– ...как будто вы умираете?

– Как будто падаю в бездну. И надо удержаться и не упасть.

– И надо упасть... надо.

Милан закрывает глаза, откидывается назад в кресле, будто ныряет в бездну.

Кукушка хочет возвестить половину девятого, замолкает на полпути, смотрит блестящими черными глазами.

Милан смотрит на детекти... э-э-э, нет, уже не Милан, это уже Колер. Кивает детективу:

– Слушаю вас.

– Сколько... сколько осталось нашему городу?

– Около месяца.

– Вы... вы знаете, как его спасти?

– Знаю.

– Вы...

– ...не скажу.

– Отчего же? Вы хоть понимаете, что если погибнет город, погибнете и вы сами?

– Понимаю.

– И не скажете?

Пауза. Руки, скрещенные на груди.

– Скажу. Если вы отдадите мне его тело. Насовсем.

Детектив мотает головой.

– Нет, нет... это невозможно.

– Отчего же? Вы так сочувствуете убийце?

– Нет, не сочувствую.

– Так в чем же...

– ...я ему обещал.

– Вы ему...

– ...обещал. Что не отдам вам его тело.

– И из-за этого обещания вы ставите под удар весь город?

Это уже автор возмущается.

– Да, – кивает детектив, – я обещал ему. Обещал.

– Ну... на нет и суда нет.

Колер хочет встать и выйти, Анастрой не дает ему встать и выйти, переключает сознание на Милана.

Глава следующая

– Анастрой... вы что, смерти города хотите?

Это автор спрашивает. Анастрой сидит у камина, рисует на принтере причудливую башенку из ферзя, прилаживает винтовую лестницу снаружи, три этажа, наверху балкон.

– Не хочу.

– Так почему вы не узнали у него...

– ...но я обещал Милану. Я держу своё слово.

– Не ожидал от вас такого.

– А чего не ожидали... сами хотели меня хорошим сделать, вот и получили хорошего.

Анастрой вырисовывает дом, здесь крыльцо будет, четыре ступеньки, перила с двух сторон, черепичная крыша над дверью, с одной стороны колокольчик, с другой стороны фонарь. Снизу будет три комнаты, большой холл, кухня и ванная...

– Анастрой!

Детектив поднимает голову.

– Слушаю вас.

– Ну, нельзя же так... придумайте что-нибудь.

– А что я, вы автор, вы и придумайте.

– Я бы придумал, что вы слово свое не сдержали.

– Не получится у вас так.

...на второй этаж можно будет попасть по внутренней

лестнице, маленькой, узкой, или по наружной, широкой, изогнутой. На втором этаже будет спальня хозяина и кабинет, и еще маленькая комната, где супруга хозяина рукоделием заниматься будет...

– Анастрой!

– Да?

– Город обречен...

– Я знаю.

– А может... обойти как-нибудь обещание?

– Может быть.

...на третий этаж можно подняться только по лестнице снаружи. Там живет поэт, который снимает у хозяина комнату, там и места на этаже всего для одной комнаты, кровать, стол, ну и ванную маленькую можно добавить. И телескоп, чтобы смотреть на звезды....

– Да Анастрой же!

– Слушаю вас.

– Анастрой... да придумайте уже что-нибудь...

– А что тут придумывать, всё просто. На самом деле это не Милан убил Колера. А Колер Милана.

Автор не понимает. Бледнеет. То есть, не видно, что он бледнеет, но, должно быть, побледнел.

– Вы... как вы догадались?

Детектив загадочно улыбается:

– Я не догадался. Я узнал.

– Узнали? Но... как? Когда?

– Картина.

– Какая картина?

– На стене в холле. Я увидел это на картине в холле. Ваши мысли. Ваши планы насчет детектива. Вы случайно перенесли их на картину.

– Я...

– ...в следующий раз со своими мыслями будете поосторожнее.

– Ну, хорошо, хорошо, а как мы это в романе оформим?

– А вот, видеозапись дальше прокрутим... где Колер погасшие звезды говорит. Вот там и видно будет, что Колер застрелил Милана. А потом переключил своё сознание в тело Милана, а своё собственное тело уничтожил.

– Но... зачем?

– Очень просто. Кто был хозяином корпорации? Милан. Вот теперь Колер владеет всей корпорацией. Вернее, хотел владеть. Но не получилось, в теле Милана оказалась архивная копия сознания Милана, между двумя умами началась борьба... Самое скверное, мы не можем сказать, кто из них Милан, а кто Колер.

– Что же... вы детектив, вы и займитесь.

– Займитесь? Легко сказать. Для этого мне нужно задать им какой-то вопрос... ответ на который знает Колер, но не знает Милан. Или наоборот, знает Милан, не знает Колер.

– Гхм... – Автор хмурится, вернее, не видно, как он это

делает, но хмурится, – сейчас... придумую.

– Что вы придумаете, что вы придумаете, да кто так вообще придумывает? Вы должны всю их биографию прописать, от и до, где родились, где учились, где влюбились, где женились, над чем работали, – вы даже толком не расписали, чем их Корпорация занята! А ведь должны были всё это по полочкам разложить, прежде чем за роман садиться!

– Р-разложу...

– Вы вот что сделайте... вы с себя спишите.

– А?

– Спишите. С себя. Со своей работы, со своих коллег, где вы там работаете, какие у вас там конфликты в офисе или на фабрике, где вы там... Вы что?

– А что такое?

– Вы чего испугались?

– А разве я испугался?

– Представьте себе, да.

– Ну... еще бы... вы меня в тупик поставили, ткнули носом, что у меня не готово ничего.

Да нет, тут другое, другое, – думает про себя детектив. Вслух ничего не говорит.

Детектив в изнеможении вытирает пот со лба, только сейчас понимает, как он устал от...

...стоп-стоп-стоп, а как он вообще здесь очутился? Только что был у себя дома, и тут на тебе, стоит посреди улицы,

на ногах не держится, будто бегал весь день по городу... Да и правда, похоже, весь день бегал, день-то уже клонится к вечеру, и загораются звезд... э-э-э, то есть, ничего не загорается, звезд нет.

– Я что, весь день...

– ...вы искали Милана.

– Что-то я не помню, как я его искал.

– Конечно, не помните, я же это не придумал еще.

– А когда придумаете?

– Ну... когда-нибудь... вот что, вы сейчас встретиться с Миланом должны.

– Где? – продрогший детектив оглядывается в поисках уютного кафе.

– Вон, на крыше высотки.

– Так-так, а потом кто-то из нас другого с крыши сбросит, так, да? Нет уж, слишком избито.

– Да нет, нет, погодите, так надо... именно чтобы на крыше. Так что давайте... поднимайтесь...

– Что, собственно, вы хотите? – спрашивает Милан. Или кто он там.

– Большой разрыв... миру осталось всего-ничего...

– С чего вы взяли?

– Так звезды же... звезды.

– Что звезды?

– Их нет.

– А с чего вы взяли, что их нет? Видите вот это? – Милан или кто он там показывает на проектор на крыше, – вот... наконец-то я нашел эту штуку...

– А что это?

– Проектор, что же еще. Вот я его выключаю, вот теперь посмотрите на небо. Вот они, ваши звезды.

Анастрой не верит себе, не понимает.

– Хотите сказать... это был обман?

– Ну, конечно. Он поставил проектор на крыше, чтобы люди не видели звезды...

– Но зачем... зачем?

– Хотел получить грант.

– А-а, конечно...

Что-то меняется в лице Милана, или кто он там, в глазах просвечивает Колер.

– Не... не верьте ему. Не верьте... вот он как раз проектор и включил, чтобы вы увидели, как будто здесь звезды...

Снова меняется лицо, снова внутренняя борьба, снова вырывается Милан:

– Он врёт! Врёт!

Анастрой замирает. Колер или кто он там шажочками-шажочками подбирается к детективу.

– Ну что... кому вы поверите? – спрашивает автор.

...еще один шаг.

– М-м-м... надо подумать.

– Некогда думать.

Еще один шаг.

– Да что некогда думать, вы биографии их составили? Кто они, откуда, что один знает, другой нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.